

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 347.9:316.48:343.23

URL: <http://hdl.handle.net/11435/2164>

Кури Хельмут

С. 172–194.

ХЕЛЬМУТ КУРИ

доктор психологических наук, профессор

Фрайбургский университет, г. Фрайбург, Германия

МЕДИАЦИЯ, ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕИНТЕГРАЦИЯ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ: ПОСЛЕДСТВИЯ МЕР, АЛЬТЕРНАТИВНЫХ УГОЛОВНОМУ НАКАЗАНИЮ

Цель: определить место и значение медиации в системе мер противодействия преступности в современной Германии.

Методы исследования: диалектический метод познания, сравнительного правоведения, историко-правовой.

Результаты: на основе анализа законодательства Германии и других государств, регулирующих вопросы восстановительного правосудия, литературных источников, автор раскрыл содержание медиации и ее место в восстановительном правосудии Германии, перспективе использования этого инструмента противодействия преступности.

Научная новизна: обусловлена тем, что впервые в российской научной литературе дается анализ института медиации и практики его применения в Германии.

Практическая значимость исследования: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и образовательной деятельности при осуществлении сравнительно-правовых исследований института медиации.

Ключевые слова: медиация; восстановительное правосудие; социальная реабилитация; социальная реинтеграция.

Введение

Во всем мире и во все времена наказание используется для предотвращения девиантного, особенно криминального, социального поведения. И в наши дни, если увеличивается преступность, начинают обсуждать ужесточение законов и применение более сурового наказания. Законодатели постоянно призывают граждан к ужесточению наказаний в случае совершения тяжких преступлений, хотя эмпирические криминологические исследования давно доказали, что это не лучший способ уменьшить уровень преступности [1, 2]. Ужесточение наказаний, происходящее на фоне изменений обстановки в обществе, открытия границ западных стран и Евросоюза, роста числа беженцев, дает понять, что законодатели уже не справляются с социальными проблемами и быстро меняющимися экономическими реалиями. Это приводит к запросу общества на ужесточение законов. Hassemer [3, с. 285f], бывший руководитель, судья и вице-

председатель Верховного суда Германии (Bundesverfassungsgerichts), в этой связи заметил, имея в виду ситуацию в Германии: «Уголовное право, как и другие аспекты нашей жизни, балансирует между безопасностью и свободой, в последнее время склоняясь к безопасности. При этом уголовное право становится жестче, но не совершеннее. В нем появляются все новые сложные запреты, угрозы наказаний и взысканий, оттачиваются инструменты распознавания преступлений, сокращаются меры защиты в том случае, если они задерживают процедуру наказания». Так, право реагирует на запрос современного общества, которое озабочено оценкой рисков, ужесточением контроля, увеличением рассогласованности нормативной базы, когда уменьшаются те гарантии, на которые ранее мы могли полностью полагаться. В связи с этим запрос на ужесточение наказания выполняет роль «функции замещения» для уменьшения тех гарантий, которые могут и не относиться к сфере преступности.

Все большее число криминологических исследований доказывает, что уголовное наказание слабо выполняет свою задачу предотвращения преступности или вовсе не выполняет ее. Лишение свободы имеет множество негативных побочных эффектов, особенно в отношении молодых правонарушителей, а также в отношении детей и других членов семей заключенных. В результате в последние годы все чаще обсуждаются альтернативные меры наказания. Это проявляется также в том, что с начала 1990-х гг. в криминологической науке началось обсуждение влияния эмоций на преступность и преступников. Например, Шерман [4] выступал за более эмоционально зрелое правосудие.

Karstedt [5, с. 3] указывает, что с 1990-х гг. наступил «на удивление быстрый закат движения в сторону «рационализации» и «де-эмоционализации права»» [6]. Это отразилось, например, в возрождении понятия стыда в процедуре наказания, особенно в рамках восстановительного правосудия [7], а также в усилении внимания к жертвам преступлений и их эмоциональным потребностям. «Основные траектории заключаются в изменении уголовного права в последние два десятилетия: движение в сторону жертвы, восстановительное правосудие и появление высокоэмоционального и преимущественно карательного общественного и политического дискурса в отношении преступления и права». Pratt [8, с. 64] указывал, что обе тенденции – поддержка восстановительного правосудия и такое же усиление карательных мер – вызваны «упадком благополучия государства» и «особым состоянием уголовного правосудия» [5, с. 4; 9].

Роль эмоций в уголовных делах оценивается криминологией критически. По верному замечанию Karstedt [5, с. 1f], криминологи как ученые критически смотрят на эмоции. «Для них эмоции – это нечто подозрительное, поэтому подход криминологии к эмоциям всегда был осторожным. Криминология как наука берет начало в эпохе Просвещения и придерживается идеалов разума и разумного дискурса. Это относится как к современному уголовному праву, так и к практике уголовного преследования и его институтам, сформировавшимся в эпоху Просвещения в конце XVIII в. и развившимся в условиях современных либеральных демократий. Как излишние эмоции в политической сфере демократического общества угрожают разрушением всей системы (как это обычно происходит во время слома политической системы), так и правовая система стремится сдерживать силь-

ные эмоции, которым она постоянно и неизбежно противостоит. Однако в течение долгого времени существование и интенсивность этих эмоций игнорировались. Вследствие этого криминологи еще более неохотно затрагивают проблему эмоций при обсуждении уголовного права. Считается, что коллективными эмоциями можно манипулировать в интересах политиков и других групп и что этим безответственно занимаются средства массовой информации. Криминологи склонны отрицать естественный характер вспышек коллективных эмоций и воспринимать их как проявление «ложной сознательности» [10]. Также отмечается [11, с. 223], что «процесс «эмоционализации» права и уголовного правосудия резко изменил взгляд криминологии на роль эмоций в преступлении и наказании за последнее десятилетие. Во всем мире уголовное право изменилось в направлении восстановительного правосудия; «возвращение эмоций» в уголовные дела, теории и исследования изменяет понятие «сознательного правонарушителя» и основанные на нем практики уголовного права». Karstedt [12, с. 299] также отмечает: «В последнее десятилетие процесс «эмоционализации права» происходит во всем мире, во многом меняя систему уголовного правосудия. Злость, отвращение и стыд воспринимаются как «значимые барометры общественной морали» и находят свое место в уголовных процессах. «Возвращение эмоций» в уголовные дела связывают с моральным состоянием современного общества».

Повышение внимания к эмоциям, как их понимает восстановительное правосудие, отражается не только в уголовных процессах, но и в процедуре полицейского расследования, и, например, с террористами, как показали Alison и др. [13]. Эти авторы [13, с. 1] на основе анализа 181 протокола допроса террористов в рамках полицейских расследований показали, что «если к подозреваемым применялся стиль допроса, при котором с подозреваемым обращаются с уважением, достоинством и вниманием, то подозреваемые меньше прибегают к тактике противодействия допросу». Психотерапевтические исследования давно показали, что эмоциональные отношения значительно влияют на результат лечения, что очень важно при ресоциализации заключенных. Например, Grawe и др. [14, с. 775] замечает: «Сравнивая результаты лечения и воздействия эмоциональной атмосферы, можно отметить значительный и доказанный эффект психотерапии». Авторы отмечают три причины такого результата [14, с. 776ff]. *Психические расстройства и заболевания* являются в основном проблемами вза-

имоотношений. Второй причиной является то, что *межличностные отношения, как и условия лечения*, значительно влияют на исход терапии ([15]). И, наконец, *психотерапия* влияет на межличностные взаимоотношения, а эти взаимоотношения – на результаты психотерапии. Orlinsky и Howard [16] показали, что «терапевтические связи» играют большую роль в психотерапии. «Хорошие взаимоотношения в психотерапии не только повышают самооценку пациента, его доверие к врачу, они также позволяют взглянуть в лицо своим проблемам, раскрывают пациента для психотерапевтического воздействия, помогают ему принять терапевтическое вмешательство, чего не случилось в ином случае» [16, с. 781].

Результаты исследований, проводившихся в различных регионах, показывают положительный эффект более широкого вовлечения эмоций в решение проблем, в том числе в случае уголовных конфликтов. Альтернативные меры снижения конфликтов, которые широко обсуждаются сейчас, не новы – они использовались раньше, например в средневековой Европе, и сейчас используются в традиционных обществах. Они объединяются термином «посредничество», «медиация» или «восстановительное правосудие». На эту тему существует множество публикаций, например, Hopt and Steffek [17], Johnstone и Van Ness [18], London [19].

Развитие исследований жертв преступлений и становление науки виктимологии как раздела криминологии после Второй мировой войны особенно ярко показало, что ранее проблемам жертв уделялось мало внимания [7]. В последние десятилетия немало стран приняли законы для поддержки и помощи жертвам, но на практике изменения очень незначительны. До сих пор жертвы лишь выступают свидетелями в уголовном процессе, иногда получают компенсацию, в основном от частных организаций (например, в Германии это «Белое кольцо», „Weißer Ring“¹).

Эмпирические исследования показывают, что большинство жертв, за исключением, возможно, пострадавших от особо тяжких преступлений, больше заинтересованы в получении возмещения нанесенного вреда, чем в суровом наказании преступника (Sessar [20, 21]). Однако официальные органы заняты именно наказанием, при этом не принимая во внимание интересы жертвы и широких слоев населения.

Последние же заинтересованы в том, чтобы сохранить мир в обществе и снизить уровень конфликтов, вызванных преступностью. Здесь медиация может помочь установить мост между различными интересами. «Восстановительное правосудие предлагает иной подход к достижению справедливости, чем традиционная судебная система. Там, где судебная система полагается на наказание и не заботится об интересах жертвы, восстановительное правосудие сосредоточено на возмещении вреда, причиненного преступлением, на возвращении преступника в общество и на предоставлении всем сторонам конфликта (преступнику, жертве и обществу) права голоса в процедуре правосудия» [22, с. 40].

Для принятия медиации обществом очень важно, чтобы эта мера и ее последствия были хорошо известны населению и судебным органам, особенно судьям и работникам судов. В этой связи Johnstone и Van Ness [18, с. 6] писали: «До сих пор, несмотря на растущую известность в профессиональных и академических кругах, термин «восстановительное правосудие» непонятен большинству людей». На Международной конференции в Германии отмечалось, что главной причиной редкого применения восстановительного правосудия является то, что оно мало известно в обществе и даже судебным органам. Судьи также часто плохо информированы. Политические деятели и юристы больше ориентированы на наказания в ответ на преступление. Обсуждение в обществе отличается односторонностью, население не имеет информации, и восстановительное правосудие воспринимается как «мягкая» мера, не так эффективная для предупреждения преступности, как строгое наказание [1; 23, с. 240f]. Результаты восстановительного правосудия следует видеть, в том числе, и в «атмосфере» в обществе относительно уголовных наказаний.

В данной статье мы кратко рассмотрим историческое развитие медиации и альтернативных мер разрешения конфликтов, которые в настоящее время получают все большую популярность. Медиация – общий термин для таких мер, он используется в различных контекстах и смыслах. Далее мы рассмотрим определения этого термина и представим информацию о практике медиации в Германии и других (западно)европейских странах. Основной вопрос: приводит ли медиация к сокращению преступности, особенно в сравнении с «классическими» наказаниями? Нами представлены результаты такого сравнения. И, наконец, мы представляем количественные результаты сравнения [24]. Результаты следует рассматривать с

¹ URL: <https://www.weisser-ring.de> (дата обращения: 06.08.2015)

учетом того, что медиация и другие альтернативные меры имеют положительный эффект в отношении женской и ювенальной преступности и жертв.

Исторические примеры снижения конфликтности в обществе после преступлений

Защитники медиации и возмещения ущерба часто справедливо указывают на исторические примеры [24]. Например, Frühauf [25, с. 8] пишет, что возмещение ущерба – один из интереснейших аспектов истории наказания, а в древности – неотъемлемая часть любой системы наказания, применявшаяся еще во времена возникновения письменности [26]. Уже в Кодексе Хаммурапи – одном из древнейших сводов законов в истории, составленном около 1700 г. до н.э., – предусматривается, кроме строгого наказания, возмещение ущерба жертве со стороны преступника. Еще более широко применялись и были подробно описаны меры возмещения в законах хеттов около 1300 г. до н.э. Таким образом, альтернативные меры снижения преступных конфликтов в обществе имеют долгую и, очевидно, успешную историю.

Frühauf [25, с. 11] отмечает, что развернутые указания на применение возмещения наблюдаются в большинстве цивилизаций, особенно в античное время, а также в исламской системе наказания и во многих племенах (см., например, в Библии: [27]). Sharpe [28, с. 26] пишет: «Репарации были средством правосудия на протяжении всей истории человечества». По словам Rössner [29, с. 878], на основе бихевиористских исследований можно заключить, что установление мира является биологической программой человека. Человеческое общество не может существовать без систематических мер по снижению конфликтов. Со времен Средневековья восстановление мира как социальная компенсация было основной задачей правосудия.

Frühauf [25, с. 13ff] так описывает развитие возмещения в древнегерманских законах. Начиная с V в. н.э. на этой территории появлялось все больше законов, написанных разными народами. Например, в «Салической Правде» (между 507 и 511 гг. н.э.) перечислялись наказания, состоящие в возмещении ущерба жертве со стороны преступника, а также реституции за убийства. Наказание в виде возмещения ущерба считалось в те времена обычным [25, с. 17]. Преступника заставляли возместить ущерб за его преступление. Однако в последующие века принцип возмещения заменялся более строгим наказанием. После возникновения королевств распределение

власти между государством и обществом сильно изменилось [25, с. 37]. Государство было заинтересовано в отмене прежних законов, чтобы увеличить собственную власть, взяв правосудие в свои руки, что вызвало фундаментальные изменения в общественном контроле. Были созданы также всеобщие системы права и наказания под контролем короля; роль общества постепенно уменьшалась. В начале Средневековья, с установлением государственных законов, частный конфликт превратился в общественный [29, с. 880]. Концепция реституции стала противоречить концепции авторитарного наказания. Функция восстановления равновесия, нарушенного в результате преступления, была отобрана у общества и стала исполняться государством на основе специальных правоотношений между государством и преступником. Теперь целью стало отторжение, а не интеграция. Конфликт и сотрудничество в целях его разрешения были отняты у жертвы (Christie [30]), становились все более формализованными и нейтральными.

Наказание используется как мера власти. Сочетание новых авторитарных законов и власти короля особенно ярко проявлялось в отношении смертной казни [25, с. 43]. Государство ввело «Friedensgeld» – штрафы. Таким образом, наказание стало источником доходов государства. Это положило начало проблеме, которая существует до сих пор: в конце периода франков большую часть денег нужно было уплатить государству, штраф выплачивался судье. Ущерб потерпевшего оставался его личной проблемой [25, с. 44]. Такое положение существует до сих пор. Например, в Германии в 1976 г. был введен специальный закон о возмещении жертвам тяжких преступлений (“Gesetz über die Entschädigung für Opfer von Gewalttaten”; см. обзор в Schwind [31, с. 441 ff]), но на практике только малая часть жертв получает (финансовую) реституцию из-за множества формальных препятствий (см. обзоры в Villmow [32]; Villmow и Plemper [33]; Villmow и Savinsky [34]).

Frühauf [25, с. 45] обсуждает всеобщую «фискализацию» права на основе крупных финансовых интересов королевств. Штрафы были и по сей день остаются источником хорошего дохода для государства, и лишь в последние годы началось обсуждение проблемы реституции для жертв как обязанности государства. Frühauf [25, с. 59] считает, что лучшим способом управления общественным поведением граждан является регулирование и контроль со стороны государства, хотя этот способ и вызывает

новые проблемы. В результате мы имеем увеличение роли правосудия и равноправное отношение во всех случаях наказания. Тем не менее, развитие права в Средние века являлось прогрессом цивилизации. Однако Rössner [29, с. 880] отмечает в этой связи, что в концепциях Канта и Гегеля, выдвинувших абсолютные теории наказания, которые действуют до сих пор, нет места возмещению ущерба и разрешению конфликта. Возможно, именно поэтому в немецком уголовном праве проблеме возмещения жертве не придается того значения, как это было в древности. Сегодня такое возмещение существует в очень ограниченной форме [29, с. 880f]. Schmidt [35, с. 191] указывает, что возмещение жертве со стороны преступника становится более значительным, но все же оно играет очень слабую роль. Например, в Северной Рейн–Вестфалии (Германия) в 2007 г. было 4 535 случаев возмещения и 184 800 случаев «классического» наказания.

Нерешенным остается и вопрос о том, как широко должно государство применять принцип наказания [25, с. 60]. Именно этот вопрос является на сегодняшний день особенно актуальным, принимая во внимание изменившиеся нормы жизни в обществе. Отсутствие широкой практики реституций является серьезным недостатком современного уголовного права, особенно в отношении преступлений, совершенных молодыми людьми. Сейчас работа с преступлением сосредоточена на преступнике, кроме самого наказания существует система предотвращения преступлений и обращения с преступником, но все это не дает никаких преимуществ жертве. Только в последнее время исследования по виктимологии привлекают внимание к другому пониманию контроля над преступностью [25, с. 65]. Под влиянием других стран, например, США, в Германии появляется все больше проектов в области реституции.

Определение медиации

Один из основателей современного направления медиации Braithwaite [36, с. 497] так разграничивает понятия «медиация» и «восстановительное правосудие»: *«Медиация между жертвой и преступником может быть описана как «восстановительная процедура», но в ней не участвуют другие стороны, например, семья преступника»*. В то же время *«восстановительное правосудие»* – это *«процедура, в которой все стороны, затронутые преступлением, получают возможность обсудить последствия преступления и меры, которые необходимо предпри-*

нять для исправления вреда и удовлетворения нужд пострадавших. Конечно, это идеальная ситуация, достижимая в большей или меньшей степени». Отсюда определение: *«Медиация между жертвой и преступником не является настолько эффективной восстановительной процедурой, как собрание, в котором могут участвовать члены семей и другие лица. На такое собрание жертвы и преступники могут пригласить тех, кому они доверяют и кого уважают, чтобы те поддержали их»*. Однако, по мнению Braithwaite [36, с. 497], восстановительное правосудие отличается не только процедурой, «но и ценностями. Его идея в том, что если преступление ранит, то правосудие должно исцелять. Основная ценность восстановительного правосудия – отсутствие доминирования [37, 38]. Активный компонент этой ценности – наделение властью. Наделение властью предотвращает «присвоение конфликта» со стороны государства [30]. Речь идет о конфликтах, на которые люди идут, чтобы разрешить их самим и научиться чему-то. Наделение властью – наиболее важная ценность восстановительного правосудия. Другими ценностями являются готовность простить, исцеляющая сила, сила извинения». В этом контексте наделение властью также означает, что если жертва хочет применить более жесткие меры, то это также приемлемо. «Но поскольку отсутствие доминирования – это фундаментальная ценность, которая определяет ценность наделения властью, постольку люди не должны делиться властью для того, чтобы нарушать базовые права человека, стремясь к мести» [36, с. 497f].

По словам Walgrave [39, с. 559], разница между восстановительным и уголовным правосудием особенно очевидна в следующих признаках: «В восстановительном правосудии преступление определяется не как нарушение абстрактных правовых положений, а как общественный вред. В уголовном правосудии основным коллективным посредником является государство, а в восстановительном – общество. Реакция на преступление определяется не навязанным сверху набором процедур, а осознанным, идущим снизу решением тех, кто напрямую заинтересован в результате. В отличие от формализованных и рациональных процедур уголовного правосудия, процедуры восстановительного правосудия являются неформальными и затрагивают эмоции и чувства. Результатом восстановительного правосудия является не причинение пропорциональных страданий, а общественно конструктивное, т. е. восстановительное решение проблемы, вызванной преступлением. Правосудие

в уголовном праве определяется «объективно», на основе закона, тогда как в восстановительном праве оно является в основном субъективно-нравственным опытом». В то же время автор отмечает, что разница между уголовным и восстановительным правосудием в последние годы сокращается: «Становится очевидным, что четкое разграничение между уголовным и восстановительным правосудием уже нельзя сохранить на прежнем уровне» [39, с. 560].

Не существует также единственного определения медиации и четкого различия между ее видами. Как отмечают Zernova и Wright [40, с. 91], восстановительное правосудие может осуществляться множеством различных способов. «Существуют разные точки зрения на то, как именно следует применять восстановительное правосудие, и в каких отношениях с уголовным правосудием оно должно находиться». Авторы выделяют процессно-ориентированную и результат-ориентированную модели. Часто также различают судебную медиацию, которую организуют и осуществляют сами судьи и которую включают в процедуру наказания; медиацию, более или менее включенную в процедуру наказания; и медиацию за пределами процедуры наказания, абсолютно отделенную от судебного процесса, целью которой является предотвращение этого процесса [41, с. 9, 19]. По мнению Норт и Steffek [41], в тех странах, где они проводили свои исследования, самыми распространенными видами являются медиация вне суда и в кооперации с судом.

Судя по исследованию Норт и Steffek [41, с. 12], определения медиации значительно различаются в разных странах. Самым компактным определением является следующее: «Медиация – это процедура, основанная на добровольном сотрудничестве сторон, с участием посредника, не обладающего властью для принятия решений, который систематически способствует общению между сторонами с целью найти решение конфликта между сторонами, которое будет выработано и принято сторонами». Основным элементом, принятым всеми законодательствами, является добровольность, которая, однако, понимается по-разному. Кроме того, по-разному обеспечивается выполнение принятого решения, от принуждения (как в Великобритании, Австрии и Португалии) до свободного решения сторон (как в Китае). В основном везде принято, что посредник не имеет полномочий принимать решения, так что разрешение конфликта находится целиком в руках сторон [41, с. 12]. Как указывают Норт и Steffek [41, с. 13], в разных странах

различается степень, до которой посредник может предлагать решения конфликта.

Важно заметить, что медиация используется не только для уменьшения конфликтов в уголовных делах, но и в других делах, например, для решения социальных проблем. Сообщества, где проводились исследования, в основном сходились на том, что медиация особенно действенна тогда, когда требуется решение социального конфликта, и закон способен выполнить только вспомогательную функцию. Систематическое побуждение к коммуникации со стороны посредника является ключевым моментом; важны также конфиденциальность процедуры и нейтралитет посредника. Все правовые системы признают, что положительный эффект медиации обусловлен поддержанием коммуникации со стороны профессионалов, в отличие от спонтанных договоренностей. Исследование Норт и Steffek [41, с. 13] в разных странах позволило выделить следующие общие черты медиации: 1) существование конфликта; 2) добровольная договоренность найти решение конфликта; 3) систематическое побуждение к коммуникации сторон; 4) принятие ответственности за найденное решение, при отсутствии у посредника права принимать решения. Добровольность является очень важным условием, поскольку решения, принятые по договоренности, почти не имеют шанса быть реализованными силой закона. Это особенно хороший пример для молодых людей, которые учатся решать конфликты, и демонстрирует уважение к их мнению.

Важная часть медиации – это возмещение ущерба жертве со стороны преступника. Heinz [42, с. 376] указывает, что возмещение, с одной стороны, отвечает идее исправления вреда, а с другой – имеет более широкое значение компенсации или сатисфакции. Путем учета интересов и нужд обеих сторон должна быть достигнута компенсация, в идеале полное восстановление ущерба. Это достигается самостоятельным личным решением. Преступник должен видеть и понимать вред, нанесенный жертве, и принимать свою социальную ответственность. Эта концепция выходит за пределы современного понимания возмещения ущерба, учитывая точку зрения жертвы, как и в случае условного наказания, условно-досрочного освобождения или лишения свободы [42, с. 376].

В настоящее время в странах, где проводилось исследование Норт и Steffek [41, с. 22], реституция получает финансовую поддержку. В этой связи авторы отмечают, что эта мера применяется с целью сэкономить средства для решения проблем с преступностью.

Ряд правовых систем не делает различия между медиацией как таковой и другими способами снижения конфликтов [41, с. 15ff]. Они могут включать друг друга либо выступать под одним названием, будучи различными по содержанию. В некоторых странах от посредника требуется специальное дополнительное образование или подготовка (подобно юристам, социальным педагогам или психологам). Законодательство значительно различается в разных странах. Некоторые авторы считают, что подробное законодательство уменьшит роль медиации.

Спорным вопросом остается и разграничение между медиацией и наказанием (retribution): противостоят ли они друг другу. Некоторые авторы считают, что это абсолютно разные реакции на девиантное поведение [43]. Если наказание оказывается в центре внимания, то возмещение отходит на второй план. В этом случае преступник исключается из общества, вместо того, чтобы интегрировать его. McCold [44], например, отрицает любое давление суда в случае восстановительного правосудия, так как оно возвратит процесс в рамки уголовного правосудия.

Другие авторы считают, что наилучшим решением будет сочетание уголовного и восстановительного правосудия. Сторонники этой концепции указывают, что «наказание является важным компонентом противодействия, и только сочетание восстановления и наказания позволит в полной мере осуществить правосудие» (Barton [45]; Daly [46]; Duff [47]; Robinson [48]). С этой точки зрения, чисто восстановительная реакция на преступление не может быть принята как достаточная. Утверждается, что как жертва, так и общество имеют право требовать наказания за преступления» [22, с. 45]. Gromet [22, с. 45f] также отмечает, что «при целостном понимании восстановительного правосудия... восстановление и наказание не противостоят друг другу... Фактически, сочетание восстановления и наказания может стать лучшей реакцией на преступление, достичь различных целей правосудия... Цели правосудия – это наказание и реабилитация преступника, возмещение и восстановление для жертвы, укрепление ценностей и восстановление для сообщества». Мы видим, что определение ключевых компонентов медиации различается у разных авторов.

Walgrave [39, с. 565] исследует еще один важный аспект: «... понимание восстановительного правосудия исключительно как добровольных договоренностей сужает его применение [49]. Основной реакцией на преступление должно остаться наказание. Система

уголовного правосудия может отдать восстановительному правосудию только некоторые нетяжкие преступления, тем самым исключая жертв тяжких преступлений, которые больше всего нуждаются в восстановлении». По мнению Zehr [50], восстановление и наказание имеют много общего: «...четкое определение неприемлемого поведения, призыв к ответственности и попытку восстановить равновесие. Однако сторонники восстановительного правосудия должны признать необходимость карательных мер, когда процедуры примирения невозможны».

В некоторых странах, в том числе в Германии, существует опыт онлайн-медиации. Это позволяет использовать медиацию, когда стороны находятся далеко друг от друга, например, в разных странах. Эта процедура особенно полезна в случае дел с небольшими денежными суммами, а также в случаях с интернет-бизнесом [41, с. 51ff].

Развитие восстановительного правосудия в Германии

В своем историческом исследовании Frühauf [25, с. 20] показал, что отмена реституций оказала отрицательное влияние на конфликты в обществе и уровень преступности (см. также [24]). Kaiser [51, с. 1088] отмечает, что разрешение конфликтов путем переговоров имеет глубокие корни в обществе. В тоже время он пишет, что потенциал переговоров слабо используется в стандартном официальном судебном процессе [52, с. 158f]. Он считает, что очень важно ввести в более широкий оборот концепцию возмещения ущерба преступником жертве и более конструктивного разрешения конфликтов в обществе.

Эта идея возродилась в середине прошлого века после долгого периода забвения [25, с. 63], когда понятие медиации начали обсуждать сначала в западных странах, а затем и во всем мире, в рамках нового направления виктимологии на основе эмпирических исследований (Hentig [53]; Schneider [54]). Кроме того, в Германии уголовное наказание стало все больше включать профилактические меры. Этот подход относился в первую очередь к преступнику [25, с. 64]. Развитию медиации в Германии в 1980-е гг. способствовали исследования, доказывающие положительный эффект этой процедуры в США, где уже с начала 1970-х гг. началось активное, хотя зачастую противоречивое, обсуждение «восстановительного правосудия» ([29, с. 889]; Rössner и Wulf [55]; Frehsee [56]; Abel [57]; Matthews [58]; Harrington [59]; Kaiser [51, с. 216ff]) [60].

«Восстановительное правосудие – это и философия, и практическая стратегия, развившаяся в результате слияния нескольких направлений уголовного права: утраты веры в теорию устрашения и реабилитации, новое понимание жертвы как одной из сторон преступления, подъем интереса к правосудию на уровне сообщества» [19, с. 13]. В то же время, особенно в 1970–80-е гг., как в США возрастала направленность общества на применение наказаний, шел и активный поиск альтернативных путей. «Вместе с возросшим заказом общества на наказание появился и интерес к альтернативным решениям, без наказания» [19, с. 103]. Этот интерес особенно возрастает, если общество знает о низких результатах применявшихся наказаний. Это доказано во многих исследованиях, например, Doob и Roberts [61]; Roberts и Hough [62]; Sato [63]. «В целом, хотя поддержка наказаний со стороны общества хорошо известна, сильна и поддержка альтернативных видов наказаний и санкций восстановительного характера» [19, с. 104]. «Наказание само по себе – очень плохой способ восстановить доверие как в преступнике, так и в обществе [19, с. 105]. Особенно это относится к несовершеннолетним преступникам.

В начале широкого обсуждения альтернативных мер предотвращения преступности особое внимание уделялось преимуществам медиации. Медиация лучше вписывается в систему права, дает более удовлетворительные результаты, приводит к решению конфликтов в пользу всех сторон, причем решения воспринимаются как более справедливые с точки зрения различных сторон и всего сообщества. Кроме того, она дает возможность гражданам участвовать в решении конфликтов, возвращает доверие к правовой системе, экономит деньги государства и сторон конфликта (Hopt и Steffek [41, с. 7]; см. также Bush и Folger [64]). Поэтому в 1990-е гг. поддержка медиации неуклонно росла (Hopt и Steffek [41, с. 7]). Как отмечали Hopt и Steffek [65, с. 9], в случае с медиацией ориентация на зарубежные правовые системы стала традицией.

Современные виктимологические исследования положили начало другой теоретической дискуссии, но практика почти не менялась. Дискуссия о жертвах преступлений стала особенно активной с началом движения за права женщин. Goodey [66, с. 102] называет три основные причины активного обсуждения проблемы жертв и виктимологии в США и Великобритании в конце 1960-х – начале 1970-х гг., которые оказали большое влияние и на Германию:

1. Рост уровня преступности и активизация критики существующих концепций наказаний, при отсутствии эмпирических данных их эффективности, что привело к появлению во всем мире формулы «Ничего не действует» (Martinson [67]; Lipton и др. [68]; Kury [69]).

2. Усиление влияния правовых сил с их ориентацией на политику (уголовных) наказаний, не только в США, но и в Великобритании, в результате чего количество заключенных в США значительно возросло по сравнению с серединой 1970-х гг.

3. Начало так называемого женского движения, призывы к большему сочувствию по отношению к женщинам и детям как жертвам преимущественно мужской преступности. Жертвы преступлений получали все больше прав, в том числе в процедуре наказания, особенно в США. Таким образом, жертвы перешагнули свою роль свидетеля в уголовном процессе.

Скоро эмпирические исследования показали, что реституция и компенсация должны рассматриваться как необходимость; так они воспринимались широкими слоями населения и жертвами преступлений, так их должна расценивать и современная правовая система (Kaiser [51, с. 1088]). Schwind [70, с. 438] отмечает, что реституция – часть медиации, которая с середины 1980-х гг. является важным аспектом криминальной политики. В Германии пробные процессы с медиацией в форме реституций преступника жертве начались в 1984–1985-е гг. с дел с участием несовершеннолетних, после того как в 1983–84-х гг. организация Deutsche Bewährungshilfe e.V. основала рабочую группу «Медиация между жертвой и преступником». В 1984 г. начался первый в Германии пробный процесс с участием взрослых преступников [35, с. 187]. С того времени развитие шло очень быстро (Rössner and Wulf [55]). В 1988 г. медиация между жертвой и преступником (МЖП) была включена в рекомендации государственной комиссии Bund/Länder-Adhoc-Kommission (см. обсуждение Kury и Lerchenmüller [71]). В 1991 г. увеличилось количество пробных процессов с участием взрослых преступников, включающих реституцию преступника жертве (DeLattre [72, с. 88]). В январе 1992 г. была основана первая официальная организация по медиации – Bundesarbeitsgemeinschaft für Familienmediation (BAFM) (Государственная рабочая группа по медиации в семейных делах) (Hopt and Steffek [41, с. 7]). В сентябре 2008 г. ежегодная юридическая конференция Германии (Deutscher Juristentag) в Эрфурте включала в повестку дня тему медиации (см. Neß [73]).

В 1999 г. правительство Германии приняло «Закон о разрешении конфликтов без суда» („Gesetz zur Förderung der außergerichtlichen Streitbeilegung“). По этому закону реституции преступника жертве (далее – РПЖ) официально стали частью процедуры наказания (DeLattre [72, с. 90]). Тогда же было установлено, что судьи и прокуроры на всех стадиях процесса должны обеспечить возможность разрешить конфликт с помощью медиации между преступником и жертвой (Bundesministerium des Innern/Bundesministerium der Justiz [74, с. 590]). Современная практика показывает, что большинство преступников и жертв согласны участвовать в программе РПЖ. За 10 лет – между 1993 и 2002 гг. – результаты программы РПЖ были следующими: в 69 % дел преступник извинился перед жертвой за свое преступление, в 30 % дел выплатил ущерб, в 19 % дел заплатил за причинение боли и страданий, в 13 % дел были другие выгоды, в 7 % дел не было других выгод, в 6 % дел выполнял работы для жертвы (Bundesministerium des Innern/Bundesministerium der Justiz [74, с. 594]). Всего в 2,5 % дел соглашение не было достигнуто.

В ювенальной юстиции (Jugendgerichtsgesetz – JGG) на первый план выходит идея перевоспитания преступника. С точки зрения перевоспитания реституция очень важна, так как наглядно показывает преступнику вред от его преступления. Поэтому именно ювенальная юстиция выдвигает идею реституции и медиации между жертвой и преступником [42, с. 376]. На этом основании суд может потребовать отдельную реституцию от преступника: с 1923 г. молодой преступник должен почувствовать, что он нанес ущерб, и это негативно отразилось на нем самом [25, с. 76]. РПЖ сначала стала применяться в ювенальном суде, а с 1994 г. – в суде для взрослых. На основании ювенального уголовного права судья может назначить преступнику выплатить реституцию жертве.

Для развития медиации и более широкого ее использования в Германии в 1999 г. правовые институты должны способствовать применению медиации жертвы преступнику (далее – МЖП). Прокурор и суд должны во всех случаях обеспечить возможность (добровольной) реституции преступника жертве, а также обеспечить участие профессиональных институтов в этом процессе (Schwind [70, с. 438f]).

Процедура РПЖ различна в разных землях Германии. Первоочередными критериями ее применения являются [72, с. 93]:

– не использовать для незначительных преступлений, так чтобы не происходило расширения общественного контроля (см. Kury и Lerchenmüller [71]);

– должен быть индивидуальный потерпевший;
– ситуация должна быть понятна, преступник должен признать вину;
– обе стороны, жертва и преступник, должны согласиться на процедуру и изъявить желание сотрудничать.

Кроме того, Johnstone [75, с. 609] отмечает проблему, что более тяжкие преступления могут рассматриваться в суде, а незначительные разбираться с помощью медиации, тем самым расширяя зону ответственности: «Менее тяжкие случаи будут подпадать под действие восстановительных процедур. Однако, поскольку они менее тяжкие и более простые, эти процедуры будут распространяться на случаи, которые ранее не подлежали разбирательству. В результате правовая система будет расширяться, вместо того, чтобы сокращаться» (см. также Zehr [50, с. 222]).

МЖП верно понимается как прекрасная педагогическая возможность для преступника, а также возможность снизить ущерб для жертвы, однако в Германии она и по сей день используется достаточно редко. Чаще суды обязывают преступника выплатить штраф в пользу какой-либо некоммерческой организации. Например, Frühauf [25, с. 77], пишет, что обязанность преступника выплатить реституцию только обсуждалась теоретически в отношении ювенального права, а на практике применяется редко. Возможно, причина в подготовке юристов, особенно судей в ювенальных судах.

Heinz [42, с. 375] указывал, что в Германии найдено хорошее решение относительно защиты интересов как жертвы, так и преступника. Некоторые эксперты выступают за введение реституции как особого «третьего пути» (“Dritte Spur”) в уголовный кодекс (Alternativ-Entwurf Wiedergutmachung 1992, Frehsee [56]). Также Heinz писал, что на практике реституция применяется редко. Так, в 1989 г. реституция составляла всего 0,8 % всех взысканий, наложенных судом по § 153а, 1. И сегодня самое частое взыскание – штраф.

В 1992 г. решением правительства была основана организация Deutsche Bewährungshilfe e. V. Это межрегиональный совет по проблеме РПЖ, финансируемый в основном Министерством юстиции и из регионального бюджета².

С 1993 г. по указу Министерства юстиции было организовано множество независимых бюро по раз-

² URL: [http://www.toa-servicebuero.de/\(Bundesministerium des Innern/Bundesministerium der Justiz \[74, с. 589\]\)](http://www.toa-servicebuero.de/(Bundesministerium%20des%20Innern/Bundesministerium%20der%20Justiz%20[74,%20с.%20589])) (дата обращения: 06.08.2015).

решению конфликтов (Kerger и др. [76]). Они организовывались при негосударственных организациях или социальных юридических службах и агентствах по социальной работе. Эти институты могут действовать до начала судебного разбирательства или во время суда с целью добиться реституции. Эксперты, добивающиеся реституции (посредники), – это, как правило, социальные работники или социальные педагоги, прошедшие дополнительную подготовку как медиаторы (Delattre [72, с. 90]). Schwind [70, с. 439] отмечает, что в настоящее время в Германии действует около 400 таких бюро. Delattre [72, с. 90] пишет, что в Германии работает более 300 институтов, применяющих МЖП, с работающими в них профессионалами (население страны около 82 млн человек). Эти институты рассматривают около 25 тысяч дел в год (Trenczek [77, с. 104]). По данным Delattre [72, с. 91], в Германии ежегодно МЖП успешно применяется в 35 тыс. дел. Это самый высокий показатель в Европе. Однако, если сравнить с общим количеством дел в год – около 550 тысяч – то эта цифра окажется невысокой (Schwind [70, с. 439]).

По данным Kerger и др. [76], в 2002 г. делами с МЖП были преимущественно преступления с телесными повреждениями (47 %, см. также Jehle [78, с. 40]). Из них половину составляли конфликты между супругами и другими членами семей (Trenczek [77, с. 105]; Vázquez-Portomene [79]; также см. о медиации в семейных конфликтах: Rössner и др. [80]). Кроме того, Schmidt [35, с. 189] пишет, что в Германии МЖП в основном применяется в делах о телесных повреждениях, а также порче имущества, оскорблении, угрозах, злоупотреблении и имущественных спорах. Что касается РПЖ, то она чаще применяется не в делах о материальном ущербе, а в межличностных конфликтах (Walter [81, с. 339]). Как пишет Jehle [78], в 2002 г. результатами медиации стали следующие: в 69,8 % случаев извинения, 25,1 % – выплата ущерба, 13,6 % – выплаты за причинение боли и страданий и 5,7 % – работы в пользу потерпевшего. Если РПЖ проходит успешно, 80 % случаев заканчиваются прекращением производства, и дело не передается в суд. В других случаях суд может уменьшить или не назначать наказание (§§ 46.2; 14а; 49 StGB; Jehle [78, с. 39], обобщение: Schwind [70, с. 439]).

Появляется все больше сфер, в том числе за пределами уголовного права, в которых конфликты могут быть разрешены неюридическим путем. Однако Норт и Steffek [41, с. 7] справедливо указывают, что, хотя медиация в Германии включена в систему методов разрешения конфликтов и является полезной, она все

еще не используется в полной мере. Delattre [72, с. 90] пишет, что РПЖ является перспективным методом работы с преступностью, но заслуживает большего внимания в уголовных делах и должна чаще использоваться в уголовных процессах.

Развитие восстановительного правосудия в других странах

В работе Норт и Steffek [65] представлен обзор состояния и развития медиации в других странах [29, с. 881ff]. Авторы отмечают, что медиация как форма разрешения конфликтов должна получить поддержку. Одно из важных преимуществ – упрощение доступа граждан к помощи закона. Медиация дает возможность более эффективно разрешать конфликты, дает поддержку сторонам конфликта, снижает нагрузку на судебную систему, сокращает затраты сторон и государства (Норт и Steffek [65, с. VIII]). Указанная работа содержит нормативные акты и исследования проблемы в США, Австрии, Франции, Великобритании, Нидерландах, Японии, Австралии, Болгарии, Китае, Ирландии, Канаде, Новой Зеландии, Норвегии, Польше, Португалии, России, Швейцарии, Испании и Венгрии, т. е. как в западных странах, так и в бывших социалистических. Положительный опыт использования медиации в разных странах, например, в США, побуждает все больше стран использовать медиацию в своих правовых системах. В своем исследовании по США Bush и Folger [64] особенно отмечают «удовлетворенность», «социальную справедливость» и «трансформации» как положительные аспекты (см. Норт и Steffek [41, с. 10]).

В работе Miers [82, с. 447ff] представлен материал о развитии медиации в США, Бельгии, Англии и Уэльсе, Новой Зеландии. По его данным, в 1996 г. в США уже было 289 программ по медиации между жертвой и преступником, лишь некоторые из них включали несовершеннолетних (Umbreit и Greenwood [83]). Через 5 лет Schiff и Bazemore [84, с. 180] отмечают уже 773 программы. Griffiths [85] обнаружил в 1998 г. более 200 программ в Канаде. Umbreit и др. [86, с. 121] пишет, что в 2000 г. во всем мире около 20 стран реализовывали 1 300 программ с несовершеннолетними преступниками. Mestitz [87, с. 13] отмечает, что в Европе программы медиации распространены неравномерно, особенно программы с несовершеннолетними преступниками. Так, в Германии и Франции действовали по 200–300 программ, а в таких странах, как Ирландия и Италия, – всего несколько программ. Правовая основа таких программ также

имеет отличия. Daly [88] пишет о различиях в «разработке и осуществлении». По замечанию Weitekamp [89, с. 322], восстановительное правосудие «все понимают по-разному».

Hopt и Steffek [41, с. 12ff] указывают, что различия в процедуре медиации в разных странах не удивительны, учитывая, что и ее определения не совпадают. В теории понятно, что ключевым моментом медиации является сотрудничество на добровольной основе, однако в некоторых странах обсуждается вопрос о возможности принуждения к сотрудничеству в отдельных случаях. По-разному понимается и роль посредника, в частности, может ли он вносить предложения по решению конфликта. Медиация может также помочь при решении неюридических вопросов, например, семейных проблем или проблем на рабочем месте (см., например, Montada [90, с. 184]). Положительный эффект медиации отмечается во всех странах – процедура касается общественного конфликта, и правовые нормы выполняют лишь вспомогательную функцию. Все правовые системы признают, что медиация – это не спонтанная, более или менее успешная помощь, а профессиональная поддержка коммуникации между сторонами конфликта (Hopt and Steffek [41, с. 13]). Как отмечают Hopt and Steffek [41, с. 13], определения медиации в разных странах содержат 4 основных аспекта: конфликт; добровольность; систематическая поддержка коммуникации между сторонами конфликта; поиск решения сторонами при отсутствии полномочий для принятия решения у посредника. Важными являются также конфиденциальность процедуры и нейтральность посредника.

Как уже отмечалось, большие различия существуют в процедуре проведения медиации в разных странах. В некоторых странах оказывается финансовая поддержка. Большинство стран отмечают хорошие результаты программ медиации. Hopt и Steffek [41, с. 42] считают, что в основе хороших результатов лежит то, что разрешение конфликта не навязывается жесткими рамками, а гибко выбирается сторонами и посредниками в зависимости от характера конфликта. Гибкость – важнейшая характеристика, однако она требует хорошей подготовки посредника. Например, в Германии организация “Bundesarbeitsgemeinschaft Täter-Opfer-Ausgleich e. V. (BAG TOA e.V.) присуждает посредникам дипломы, гарантирующие высокое качество работы [91, с. 66]. Процедура медиации может утратить свой специфический характер и потенциал, если будет инкорпорирована и инструмента-

лизирована в уголовный процесс. В этом случае она может быстро деградировать до простого принятия решения судьями. И все же нельзя игнорировать гарантии, которые дает уголовный процесс. В этой связи Walgrave [39, с. 570] пишет: «Общеизвестно, что государственная правовая система необходима для удержания восстановительного правосудия в рамках конституционной демократии».

Tränkle [92, с. 335] сравнивает немецкую процедуру МЖП (Täter-Opfer-Ausgleichs-Verfahren) и французскую модель медиации (Médiation Pénale) в делах с совершеннолетними преступниками, доказывая возможность применения медиации в уголовном процессе. По ее мнению, посредники должны провести трансформацию, объединяющую обычный уголовный процесс и медиацию [92, с. 336]. Она считает также, что медиация не выполняет в полной мере своих функций из-за того, что стороны ориентируются на обычный уголовный процесс [92, с. 338]. Такая позиция не способствует открытому диалогу. Прежде, чем начнется настоящая медиация, должны быть открыты пути к диалогу. Автор приходит к выводу [92, с. 340], что структура уголовного процесса препятствует развитию медиации. Однако ограничения уголовного процесса нельзя преодолеть, так как уголовное право стоит выше медиации. Поэтому, по мнению автора, медиация может лишь частично заменить традиционную судебную процедуру.

Hopt и Steffek [41, с. 70ff] в своем исследовании показали, что подготовка посредников также отличается в разных странах. Четкие программы подготовки существуют лишь в нескольких странах, поэтому возрастает роль профессиональных групп. Проблемы в области медиации в конкретной стране часто ярко проявляются при сравнении с уголовным законодательством. В странах, мало знакомых с системой медиации, наблюдается много сложностей с реализацией, слабое осмысление проблемы, слабая институциональная поддержка или затягивание уголовного процесса Hopt и Steffek [41, с. 71]. Вначале в Германии также было много сложностей [93, с. 30]. Очень важно, чтобы общество и профессионалы были информированы об этой процедуре. Чем выше уровень информированности общества, тем более приемлемой станет эта альтернатива (примером может служить изменение отношения к альтернативному наказанию в бывшей ГДР после воссоединения страны: Kury и др. [94]; Ludwig и Kräupl [95]).

Сравнение правовых систем разных стран в работе Hopt and Steffek [41, с. 87] показывает, что, с одной

стороны, добровольность считается центральным принципом медиации. С другой стороны, в некоторых странах свободные решения сторон значительно ограничиваются. В некоторых странах сначала выносятся решения суда или специального совещательного органа, которым нужно следовать. В любом случае принуждение при добровольном разрешении конфликтов (так называемое Mediation-Paracos) является контрпродуктивным [41, с. 88]. Способы организации и процедура медиации значительно различаются в разных странах.

В то время как в западных странах восстановительное правосудие широко используется или хотя бы обсуждается в криминологии с 1980-х гг., в восточно-европейских странах о нем меньше знают. В связи с этим Willemsens и Walgrave [96, с. 491] писали: «Хотя некоторые страны Центральной и Восточной Европы уже имеют хорошо организованную систему медиации между жертвой и преступником (например, Польша, Чехия и Словения), в других делаются только первые шаги». Европейский форум, посвященный восстановительному правосудию, поддерживает развитие медиации в рамках проекта AGIS2-Project “Meeting the challenges of introducing victim-offender mediation in Central and Eastern Europe” (Проблемы внедрения медиации между жертвой и преступником в странах Центральной и Восточной Европы). Основываясь на собственном опыте сотрудничества со странами Восточной Европы, Willemsens и Walgrave [96, с. 491] выделяют такие проблемы:

- сильная поддержка наказаний со стороны общества и законодателей;
- склонность некритично полагаться на меру лишения свободы;
- сопротивление со стороны полиции, прокуратуры и судей, которые боятся конкуренции альтернативных мер;
- пассивность гражданского общества и слабая подконтрольность государства и его институтов;
- низкий уровень доверия негосударственным организациям и их возможностям;
- недостаток информации о восстановительном правосудии и проектах в этой сфере;
- плохие экономические условия, не позволяющие осуществлять проекты;
- отсутствие традиций сотрудничества и диалога в определенных отраслях и профессиях;
- отсутствие веры в лучшее будущее, подавленность и цинизм;
- коррупция в системе правосудия;

– значительные административные и финансовые ограничения в работе агентств, затрудняющие качественную работу» [1].

Chankova и Van Ness [97, с. 530] подчеркивают: «Сила восстановительного правосудия как двигателя реформ основана на недовольстве местными правовыми системами. Понимание того, что новый подход был опробован и оценен в разных частях света, дает уверенность практическим работникам в их диалоге с законодателями». В настоящее время проблемы восстановительного правосудия все больше обсуждаются в странах Восточной Европы.

На основе исследований Нопт и Steffek [17] представим также данные о медиации в России и Венгрии. Kurzynsky-Singer [98, с. 837ff] пишет, что в России медиация является сравнительно новым направлением, и в законах отсутствуют соответствующие нормы. В научном обсуждении преимущество процедуры медиации относится в первую очередь к экономическим делам. Специального законодательства по медиации нет. В 2007 г. был предложен первый проект закона о медиации и посредниках. В проекте указывались также семейные дела и конфликты на рабочем месте.

Суд обязан признать результат медиации; процедура не является конфиденциальной, и ее порядок не определен в законе. Посредник может выступать в суде в качестве свидетеля и должен составить отчет. Уголовный процесс может быть прекращен после медиации. Для начала процесса медиации стороны могут получить информацию и помощь со стороны посредника или центра медиации. Функции посредника может выполнять любой человек, специальной подготовки не требуется. Большинство посредников не являются юристами, процедура не стандартизирована, поэтому трудно составить о ней представление (Kurzynsky-Singer [98, с. 846]). Статистической информации доступно немного, например, из Санкт-Петербургского центра разрешения конфликтов. Там с 1994 по 2006 гг. было проведено 520 процедур медиации, из которых 364 относились к межличностным конфликтам, 104 к экономическим и 42 к конфликтам на рабочем месте. Соглашение было достигнуто в 89 % случаев, и в 69 % случаев решение было добровольно исполнено. В целом медиация в России используется редко [98, с. 846]. Затраты не обязательно ниже, чем при классических судебных процедурах. Недостатком является отсутствие стандартов качества. Медиация в России развивается в первую очередь как альтернатива классической судебной системе. В российской научной литературе обсуждается точ-

ка зрения, что медиация может снизить коррупцию в судах и количество судебных ошибок. Возможно также, что стороны не прибегают к медиации, опасаясь в результате лишиться помощи государственных институтов (Kurzynsky-Singer [98, с. 848]).

Jessel-Holst [99, с. 906ff] описывает ситуацию с медиацией в Венгрии. В этой стране с марта 2003 г. существует закон о медиации. Процедура применяется для гражданских исков. Закон позволяет проводить медиацию лишь по некоторым статьям, однако ее применение уже снизило нагрузку на суды. Применение медиации в Венгрии началось с конфликтов в сфере медицины. Посредники должны иметь университетский диплом, специальная подготовка не требуется. Медиация используется довольно редко. В 2005 г. из всех зарегистрированных посредников 51 % были юристами, 16 % учителями или имели техническое образование. В 2004 г. медиация применялась 721 раз, из которых 532 были успешными. 254 случая были семейными конфликтами, 34 – конфликтами на рабочем месте, а 433 – гражданскими исками. В целом опыт медиации оценивается положительно.

В настоящее время в Германии и в других странах медиация применяется не только в уголовных и гражданских делах, но и в семейных конфликтах (Bannenberg и др. [100]), конфликтах в школе (Morrison [101]), на рабочем месте или по месту жительства (McEvoy и Mika [102]), в коммерческих организациях (Young [103]), в полиции (Senghaus [2010]; см. также Delattre и Röchling [104]) или в тюрьмах (Walther [2002]; Matt и Winter [2002]; Van Ness [2007]; Sasse [2010]). Однако можно сказать, что «наибольшее влияние она приобретает в уголовном праве» (Green [105, с. 183]).

Например, британское Министерство юстиции [106] в пресс-релизе от 14.03.2013 сообщило, что рассматривает проект использования медиации для помощи при разводе. «Правительство активно поддерживает медиацию как более быстрый, простой и эффективный способ договориться о разделе имущества, контактах с детьми, исключая травмирующий эффект судебного разбирательства». Министерство юстиции планирует выделить 25 млн фунтов в год на поддержку программ медиации и закрепить в законе, что «до судебного разбирательства супруги должны попытаться договориться с помощью медиации» [107]. Особое внимание уделяется проблеме сокращения расходов и времени: «Средняя стоимость разрешения имущественных и финансовых споров при разводе в случае оплачиваемой из бюджета медиации составляет около

500 фунтов, а при судебном разбирательстве – около 4000 фунтов. Среднее время процедуры при применении медиации составляет 110 дней, а без медиации – 435 дней» (Ministry of Justice [107]).

Morrison [101] исследовал программы медиации в школах (см. также Hopkins [108]). «Поскольку восстановительное правосудие начало активно развиваться только в 1990-е гг., роль школы в ее продвижении можно считать центральной, как и для формирования восстановительного общества» [101, с. 325]. В настоящее время во всем мире существует множество программ, «нацеленных на развитие социальной и эмоциональной зрелости в школах» [101, с. 327], в том смысле, в котором, например, Sherman [4] описывает восстановительное правосудие как «эмоционально зрелое правосудие». Исследования подтвердили, что «использование восстановительных мер во всех возрастных группах является эффективной альтернативой наказанием в виде оставления на второй год или исключения» (Morrison [101, с. 340]).

Van Ness [109, с. 314] сообщает о программах медиации в тюрьмах США, особенно в контексте «программ эмпатии», касающихся отношения преступников к жертвам, но также и в контексте разрешения конфликтов между заключенными и персоналом тюрем. Некоторые программы предусматривают участие жертв или их представителей, в других жертвы не привлекаются (см., например, в Гамбурге, Германия: [110, с. 225]). В таких европейских странах, как Бельгия и Германия восстановительное правосудие и МЖП используются только в тюрьмах. Buntinx [111] представила результаты опыта Бельгии. Она работает в организации Suggnomè (др.-греч. – «другой взгляд», Buntinx [111, с. 1], используя медиацию в тюрьмах, в том числе для очень тяжких преступлений, например, убийств. По закону Бельгии от 2005 г., «процедура медиации может быть начата по запросу любого лица, заинтересованного в уголовном процессе, в любой момент уголовного процесса» [111, с. 2]. Медиация в тюрьмах началась в 2001 г., а с 2008 г. любой заключенный может попросить о медиации [111, с. 2]. С 2008 по 2012 гг. поступило 1 792 запросов, состоялось 614 медиаций и 167 личных встреч. Автор приходит к выводу: «Самое важное – это высокий уровень удовлетворенности сторон, участвующих в медиации. Это наблюдается как со стороны преступника, так и со стороны жертвы» (Buntinx [111, с. 6]).

В некоторых программах на первый план выходит примирение преступника с членами семьи или подготовка к возвращению в общество. Цель программ

«тюрьма – общество» – сократить пропасть между преступником и обществом, что очень важно для реинтеграции после освобождения. Еще один важный аспект – снижение отклонений в поведении, связанных с заключением. «Тюремные субкультуры обычно девиантны, так как отказ от девиантного поведения труден для заключенных. Вовлечение их в процесс восстановления требует больших усилий с их стороны, чтобы противостоять доминирующей культуре... В тюрьмах используется физическое или моральное насилие, либо угрозы насилия, что затрудняет мирное разрешение конфликтов» (Van Ness [109, с. 319]; Gelber [112, с. 441ff]). Очень часто преступники сами становятся жертвами жестоких преступлений, особенно если это дети и подростки. В пробном проекте Seehaus Leonberg, который был организован в 2003 г. в Баден-Вюртемберге для несовершеннолетних преступников, персонал проходил программу «эмпатии к жертве» для заключенных, которая включала реституции. В Нижней Саксонии посредников обучают работать в тюрьмах для разрешения конфликтов между заключенными и персоналом. В современных системах наказания жертвы должны занимать более важное место (Gelber [112, с. 447]; см. также Gelber и Walter [113]; Krause и Vogt [114]). Исследования показывают, что жертвы изъявляют больше желания участвовать в процедурах медиации, чем это считалось ранее.

Результаты эмпирической оценки процедуры медиации

До последнего времени существовало мало эмпирических исследований и результатов оценки медиации и восстановительного правосудия в целом, как показали Vazemoge и Elis [115, с. 397]. Однако в настоящее время множество исследований доказывают «положительный эффект восстановительных практик на разных уровнях, от первичных преступлений и правонарушений до более хронических и тяжелых случаев» (см. также Hayes [116]). Ученые указывают, что, в отличие от эмпирических исследований результата программ помощи осужденным, который не всегда оказывается положительным, результаты использования восстановительного правосудия более единообразны: «Большинство исследований восстановительных программ, включая мета-анализ (Bonta и др. [117]; Nugent и др. [118]), показывают положительные результаты..., а некоторые свидетельствуют о том, что восстановительные программы оказывают такой же или более сильный эффект, чем программы

помощи...» Особенно очевиден положительный эффект для жертв преступлений. Пока не решен вопрос, является ли этот положительный эффект следствием реституции или опыта участия в судебном процессе.

Hayes [116, с. 425] также отмечает положительные результаты восстановительных программ: «Очевидно, что процедуры восстановительного правосудия имеют много преимуществ для жертв, преступников и всего сообщества. Жертвы получают преимущества от активного участия в процедуре осуществления правосудия. Преступники получают преимущества от возможности возместить ущерб и исправиться. Сообщества получают преимущества от переговоров по разрешению конфликта... В этом отношении восстановительное правосудие достигает многих целей (например, сохранение ответственности преступников и предоставление им возможности возместить ущерб в символической или материальной форме, примирение между жертвами, преступниками и сообществом)».

До сих пор было очень немного исследований вопроса: способствуют ли программы реституции преступника жертве сокращению рецидивов? Сравнительные исследования уровня рецидивов после программ РПЖ и после классической судебной процедуры проводились, по данным (2007, с. 433), в основном в США, Великобритании и Австралии.

Обсуждение результатов таких программ до сих пор затруднено из-за проблем с методологией, которые снижают валидность исследований. Часто сложно обобщать результаты, что происходило и десятилетия назад при оценке программ помощи осужденным (см. Lipton и др. [68]). Восстановительное правосудие – это обширная концепция, и ее процедуры часто различаются в зависимости от стадии уголовного процесса. Часто «помощь» занимает всего 60–90 минут, так что результат очень низкий, особенно, учитывая, что рецидивы вызываются множеством факторов, среди которых безработица, вступление в различные сообщества после освобождения, различные события в жизни, прием наркотиков и алкоголя, ситуация в семье и др. Может также возникнуть ситуация «погрешности», так как преступники и жертвы добровольно соглашаются на участие в программе, поэтому вероятность участия выше у более мотивированных преступников с лучшим прогнозом [22, с. 41]. Иногда реализация программы не доводится до конца из-за противодействия, а также может наблюдаться несоответствие между описанием программы и реальностью (Hoyle [119, с. 116]). Выполнение экспериментальных исследований вряд ли возможно. Кроме того, крите-

рии рецидива не всегда четко определены и сопоставимы (Menkel-Meadow [120]).

В связи с этим Hayes [116, с. 440] приходит к выводу: «Хотя в некоторых случаях восстановительное правосудие не приводит к снижению преступности... и даже дает данные о ее повышении..., удельный вес положительных результатов неуклонно растет. Восстановительное правосудие обладает потенциалом снижения преступности. Я не утверждаю, что оно может предотвратить преступность, потому что на данном этапе мы не обладаем достаточными данными о том, как восстановительное правосудие влияет на поведение преступника в будущем. Но я утверждаю, что в целом восстановительное правосудие «работает». Процедура может привести к снижению рецидивов, но «важны и последующие события». Johnstone [121, с. 598] в этом контексте отмечает, что большинство исследований по восстановительному правосудию написаны его сторонниками, что может исказить результаты.

Самая серьезная критика восстановительного правосудия связана с тем, что может уменьшиться или пропадет эффект устрашения от (сурового) наказания. Однако на это сторонники восстановительного правосудия возражают, что устрашение не оказывает значительного действия. «Очевидно, что эффект устрашения от наказания сильно преувеличен, а его свойство способствовать росту преступности, напротив, недооценивают. Однако, среднестатистический гражданин скорее в это не поверит [122, с. 117–144], поскольку большинству людей кажется несомненной идея о том, что без уголовного наказания за преступления количество правонарушений увеличится» [121, с. 601].

Некоторые критики указывают, что восстановительное правосудие может дополнять официальное постановление суда или выполнять более значительные функции, но не может заменить наказание. Johnstone [121, с. 610] в своем исследовании утверждает, что программы восстановительного правосудия необходимо применять в более широких масштабах. «Интересно, что даже самые убежденные критики называют восстановительное правосудие – хотя модифицированное и с другими формулировками – очень важным дополнением к современным взглядам на проблему преступности».

К настоящему времени исследования подтверждают положительный эффект восстановительного правосудия в сокращении рецидивов. Некоторые авторы отмечают, что сокращение рецидивов не

должно расцениваться как единственный или главный результат восстановительного правосудия (см. Moggis [2002]). Программы в основном направлены на жертв преступлений и сокращение ущерба, нанесенного им. «Вместо того, чтобы сосредотачиваться только на изучении рецидивов, нужно рассматривать весь комплекс положительных результатов восстановительного процесса» [116, с. 440]. Если обратиться к начальному периоду возникновения восстановительного правосудия, то жертвам действительно уделялось основное внимание. Lippelt и Schütte [91, с. 43] также отмечают, что количество рецидивов – не единственный критерий успешности программ медиации, следует учитывать также положительное влияние на жертв.

Как указывал один из основателей восстановительного правосудия Braithwaite [36, 123], положительные результаты программ впечатляют, особенно сокращение рецидивов. Он приводит результаты эмпирических исследований из разных стран, которые показывают значительное снижение рецидивов. Кроме того, сокращается количество преступлений в семье, а в некоторых случаях потребление алкоголя. «Восстановительное правосудие с успехом прививает правонарушителям чувство ответственности за свои преступления. Это происходит оттого, что они испытывают больше раскаяния, чем при традиционном судебном процессе». Кроме того, процедуры восстановительного правосудия могут значительно снизить хулиганство в школах [124].

Gromet [22, с. 41ff] также указывает, что уровень рецидивов снизился после участия преступников в программах восстановительного правосудия, но еще один результат – это более значительная удовлетворенность жертв, чем при традиционном судебном процессе. Жертвы чувствовали, что они находятся в лучшем эмоциональном состоянии, к ним проявляется больше справедливости, они меньше опасаются снова стать жертвой преступлений и испытывают меньше потребности в мести. «Существуют свидетельства того, что в целом преступники, участвовавшие в процедурах восстановительного правосудия, меньше склонны к рецидивам, чем те, кто участвовал в традиционных судебных процессах..., особенно это касается несовершеннолетних преступников» [22, с. 41ff]. По мнению Gromet [22, с. 42], это вызвано в первую очередь тем, что стороны, и особенно преступник, чувствуют уважение к себе, боль жертвы, испытывают стыд и другие чувства, испытывают облегчение при извинении, берут на себя ответственность на преступление. Преступники, которые испытывали соответствующие

психические состояния, особенно редко имели рецидивы» (Tyler и др. [125]). Однако некоторые исследования показывают рост рецидивизма после участия в программах восстановительного правосудия.

Как отмечают Норт и Steffek [41, с. 77], результаты и значение медиации нужно рассматривать в сочетании с общей правовой обстановкой в стране. Это особенно важно при сравнении данных из разных стран. Например, правовая обстановка и отношение граждан к этой форме разрешения конфликта отличаются в странах бывшего СССР (Kury и Shea [1]). Население западных стран имеет долгий опыт разрешения конфликтов, знакомо с данными процедурами и склонно более мягко относиться к преступлениям. Отношение населения к наказанию зависит от опыта реакции на преступления в данной стране. Когда в 1949 г. правительство Германии отменило смертную казнь, почти 75 % населения голосовали за применение смертной казни в случае тяжких преступлений, а в настоящее время этот процент составляет около 20 (Kury и Shea [126]). В бывших советских странах как у профессионалов, так и у граждан меньше опыта альтернативного разрешения конфликтов по сравнению с классическим наказанием, а общественное обсуждение и материалы СМИ больше ориентированы на строгость наказания в качестве превентивной меры (Ludwig и Kräupl [95]). Для многих стран медиация является новым методом уменьшения конфликтов, о котором мало знают и который мало обсуждают. По словам Норт и Steffek [41, с. 42], положительный эффект медиации во многих странах следует рассматривать с учетом того, что уменьшение конфликтов происходит не силовым путем, а путем переговоров сторон и посредников, которые происходят гибко и с учетом специфики каждого конкретного случая.

В 2000 г. в Норвегии в рамках гражданских дел медиация использовалась в 20–25 % случаев, и в 70–80 % этих дел было достигнуто соглашение. Принятие обществом медиации в таких странах, как Великобритания и США также подтверждается высоким процентом успешности программ. Более слабое принятие процедуры наблюдается в Польше и России, а также Швейцарии и Франции.

Как показывает Green [127, с. 177], эмпирические исследования подтверждают, что во всем мире восстановительное правосудие получает все большее признание со стороны жертв и демонстрирует лучшие результаты, чем традиционный уголовный процесс. Широко известный проект Thames Valley Police

Project в Лондоне (см. Hoyle и др. [119]) доказал, что «огромное большинство жертв считают, что встреча помогла им пережить их негативный опыт». Кроме того, авторы считают, что две трети жертв после участия в программе заявили, что их отношение к преступнику после встречи с ним улучшилось [119]. Похожие результаты показали исследования программы «Молодежный Совет Юстиции» (Youth Justice Panels) в Великобритании [128, с. 213]. «Был достигнут высокий уровень удовлетворенности со стороны жертв, которые отмечали, что к ним относились с уважением и по справедливости, а также давали право голоса в процессе» (Green [105, с. 178]). Важно, чтобы жертвы были открыты процессу медиации и хотели сотрудничать: «Основной вывод большинства программ восстановительного правосудия – это то, что большинство жертв, в какой-либо форме участвовавших в процессе медиации, считают его продуктивным» [105, с. 178]. Green [105, с. 178] добавляет: «Очевидно, что отношение большинства жертв, участвовавших в процессе медиации, в основном позитивное, в отличие от жертв в случаях традиционного разбирательства. По крайней мере на этом уровне восстановительное правосудие выполняет свои обещания по отношению к жертвам преступлений – в первый раз в новейшей истории они получили свою роль и статус в разрешении конфликта». Несмотря на эти положительные результаты, часть жертв все же недовольна этим методом [129, 130].

Норт и Steffek [41, с. 79] приходят к выводу, что медиация является полезным и эффективным методом разрешения конфликтов и ее следует развивать. Наилучшие результаты медиации достигаются при включении ее в систему разрешения конфликтов. Кроме того, этот метод дает экономию времени и средств в сравнении с классическим судебным процессом [41, с. 80]. Результаты исследований в Великобритании, Нидерландах и Германии показывают, что данная процедура экономит от одной трети до двух третей времени по сравнению с классическим судебным процессом ([41, с. 82]; критику данного положения см. Tränkle [92]). Авторы также считают, что медиация оказывает более сильное влияние на процесс примирения. Соглашения гораздо чаще выполняются, чем при классическом судебном процессе [41, с. 84]. Это также доказывает, что положительные эффекты не только декларируются в литературе, но и подтверждаются на практике. Даже в случаях неуспешной медиации стороны сообщают о том, что удовлетворены этим опытом.

Lippelt и Schütte [91, с. 43] обобщают самые важные результаты исследований в Германии, включая методологические исследования Busse [131] и Dölling и др. [132]. Они приходят к выводу, что в большинстве случаев медиации жертвы преступнику приводит к уменьшению рецидивов, даже если в остальном результаты процедуры не отличались от результатов классического судебного процесса. Также уменьшались затраты, особенно в случаях с несовершеннолетними (Kumpmann [133]). В качестве главного положительного результата МЖП часто указывается большая удовлетворенность сторон, особенно жертвы, по сравнению с классическим судебным процессом. Bals (2006) показал, что более 90 % преступников и жертв поддерживают процедуру медиации, причем 80 % жертв и 57,1 % преступников заявили, что с ними поступили справедливо.

Напротив, Schmidt [35, с. 190] указывает, что эффективность МЖП в Германии подтверждают лишь отдельные или локальные исследования. По его мнению, в настоящее время нет результатов, которые можно было бы обобщить. Кроме того, он пишет [35, с. 188], что в большинстве случаев демонстрируется результат, достигнутый до начала реализации проекта [134, 466, 471ff]. Delattre [72, с. 85] считает, что большинство научных исследований программ МЖП подтверждают положительный эффект.

На сегодняшний день исследования не дают систематической оценки альтернативных методов реагирования на преступления, однако уже ясно, что «одно лишь наказание не может принести значительных улучшений в эмоциональной и психологической реабилитации жертв преступлений. Напротив, результаты анализа «карательных моделей» свидетельствуют, что они не так способствуют эмоциональной реабилитации жертв, как «некарательные модели» в форме извинений и реституций без наказания. Если же наказание применялось в сочетании с извинениями и реституцией, то такая модель была наиболее эффективной. На самом деле только такая «комбинированная модель» привела к значительному росту реабилитации жертв по всем сценариям» [19, с. 115]. Таким образом Gromet [22, с. 47] также подчеркивает: «Эмпирические данные показывают, что наилучшим решением является комбинированная процедура, включающая как восстановительные, так и карательные меры».

По мнению London [19, с. IX], «восстановительное правосудие зародилось как мечта о наилучшем пути развития для уголовного права, и сотни программ во

всем мире доказали, что оно является таковым. Оно помогло жертвам почувствовать удовлетворение от процесса и свою безопасность. Оно повысило уровень согласия преступников с их приговорами о реституции, снизив при этом уровень рецидивизма».

Итоговое обсуждение

В настоящее время во всем мире, особенно в западных странах проводится множество исследований, посвященных медиации и восстановительному правосудию. Первоначальной целью этих процедур было усиление внимания к интересам жертвы в рамках уголовного процесса. После Второй мировой войны, особенно в 1960–70 гг., это направление получило развитие благодаря интересу к виктимологии, а также благодаря женскому движению. Уголовное право не занимается интересами жертвы, концентрируясь только на наказании преступника. В этой связи не удивительно, что многие жертвы не удовлетворены результатами судебного процесса. Единственное их удовлетворение состоит в том, что преступник наказан, более или менее сурово. Это вызывает также желание ужесточить наказания.

По замечанию Sessar [20, с. 21], современная система наказаний – «судебный мир» – не ведет к восстановлению общественного спокойствия. Она направлена в первую очередь на контроль и престиж уголовного права, поэтому к восстановлению общественного спокойствия следует прикладывать отдельные усилия. В частности, это попытка прекратить скрывать проблему, проследить ее корни и найти решение. Межличностные договоренности способствуют социализации и установлению мира в обществе и снижают значение уголовного права.

Важнейшим фактором является отношение населения, а, значит, их информированность, так как без общественной поддержки трудно вводить инновации. Как показал Delattre [72, с. 91], в последние 25 лет реституция преступника жертве получила признание в уголовном праве как важная и положительная инициатива. Ее возможности до сих пор не используются в полной мере, несмотря на очевидно положительные результаты. До настоящего времени диалог с обществом недостаточно используется для продвижения данной процедуры и должен вестись более интенсивно [72, с. 101]. Важнейшую роль в этом должна играть полиция, поскольку она в большинстве случаев первой контактирует с преступником и жертвой.

Young [103, с. 137] пишет, что, по данным британского обзора British Crime Survey, уже в 1984 г.

51 % опрошенных жертв заявили, что хотели бы встретиться с преступником вне рамок суда вместе с официальным посредником, чтобы обсудить возможность реституции. По другой формулировке вопроса (British Crime Survey 1998 г.), 41% соглашались на встречу с преступником в присутствии третьего лица, чтобы узнать о причинах преступления и показать его последствия. Это доказывает, что общество хочет развития медиации. Sanders [135, с. 222] подчеркивает, что если преступник понимает суть судебного процесса и признает его легитимность, то он полнее принимает его результат, даже в случае, если считает его несправедливым. То же верно в отношении жертв. Норт и Steffek [41, с. 79] пишут, что в обществе следует развивать культуру снижения конфликтности путем информирования судей и прокуроров, а в первую очередь – граждан. Необходимо разъяснять процедуру, обучать судей и прокуроров, показывать результаты процедуры. Должны быть подготовленные посредники, а также финансовая поддержка. Различные вспомогательные меры должны создавать благоприятную среду для проведения программы медиации.

Не решен окончательно и вопрос о возможности совмещения процедур восстановления и наказания. Sessar [20, с. 21] пишет о предпочтительности наказания. London [19, с. 180] подчеркивает, что «восстановление» должно сочетаться с «наказанием», иначе первое не будет признано обществом. Это действительно важный аспект. «Ни устрашение, ни поражение в правах, ни наказание не дают стратегии реинтеграции. Даже реабилитация сама по себе не является надежным инструментом для истинной реинтеграции, потому что она не уделяет внимания нуждам жертв и общества, не рассматривает правосудие как предпосылку принятия со стороны общества. Подчиняя каждую из этих традиционных целей более общей цели восстановления доверия, нужно прийти к тому, чтобы устрашение, поражение в правах, реституция, реабилитация и наказание в рамках уголовного процесса не были отдельными задачами, а стали частью единой стратегии исправления ущерба, нанесенного преступлением» [19, с. 183].

Tränkle [92, с. 340] в этой связи убедительно отмечает, что условия как уголовного процесса, так и медиации являются основой действий участников медиации. Тем самым, проведение медиации затрудняется. Для успешного разрешения конфликта часто необходимо изменить само определение уголовного права, т. е. посмотреть на конфликт с более широкой точки зрения – не как на конфликт с законом, но как на

конфликт с обществом, что часто вполне достижимо [92, с. 341]. Для снятия конфликта нужен личностный компонент, чего трудно требовать, поэтому медиация предполагает значительную долю идеализма. Это противоречие можно разрешить лишь с помощью вспомогательных институтов за рамками судебной системы, например, консультативных центров. В этом также проявляется ограниченность медиации, особенно в отношении возможности реинтеграции преступников в общество.

London [19, с. 315] пишет: «Восстановительное правосудие – это смелая и интересная инновация, которая в течение нескольких последних десятилетий будоражит умы реформаторов головного права во всем мире. И все же, даже достигнув значительных результатов в тысячах программ, она остается вспомогательным средством, поскольку так и не смогла выработать теоретического обоснования и системы практических методов для работы с серьезными преступлениями и совершеннолетними преступниками». Для проведения успешной медиации должны быть соблюдены определенные условия (Ittner [136, с. 98]).

London [19, с. 320] подчеркивает, что все стороны получают преимущества от спешной медиации: «Для жертвы восстановительная процедура дает перспективу значительного возмещения материального и морального ущерба... Для сообщества – это возможность участия в разрешении конфликта с целью повышения безопасности и предотвращения подобных ситуаций в будущем. Для преступника – это возможность возвращения в общество законопослушных граждан путем демонстрации готовности возместить как материальный ущерб, так и моральный вред, нанесенный преступлением».

Подводя итоги обзора положительных и многообещающих результатов процедуры реституции преступника жертве, мы видим, что такие альтернативные виды реакции на правонарушения имеют перспективы. Вопрос о месте РПЖ стоит сегодня во всех правовых системах мира (Rössner [29, с. 881]). Международное исследование, проведенное Rössner [29, с. 894], показывает, что реституция присутствует во всех правовых системах. В большинстве случаев отзывы жертв на эту процедуру являются положительными. Таким образом, медиация – это не использование жертв для исцеления преступников, как иногда говорят; это мера, результативная для обеих сторон, как преступников, так и жертв. Следует также учитывать, что большая часть жертв – это женщины и дети.

Изначально медиация появилась как мера помощи жертвам, для создания возможностей возмещения их материального и морального вреда. В настоящее время исследования подтвердили, что эта цель может быть достигнута, если процедура проводится профессионально. Большинство жертв получают большее удовлетворение после участия в процедуре медиации, чем после классического судебного процесса.

Что касается воздействия на преступника, особенно результатов ресоциализации, то они не столь однозначны, что не удивительно. Медиация – это, как правило, короткий процесс, занимающий несколько часов, после которого трудно ожидать долгосрочного влияния на преступника с его укоренившимися проблемами, особенно что касается заключенных. Но в качестве элемента комплексной программы ресоциализации медиация играет важную роль. В связи с этим следует шире использовать и расширять применение метода медиации. Классическая судебная процедура явно неэффективна в отношении реинтеграции преступников, что профессиональная медиация способна хотя бы частично исправить.

Список литературы

1. Punitivity-International Developments: Insecurity and punitiveness / ed. Kury H., Shea E.: Brockmeyer Verlag, 2011.
2. Dölling D., Entorf H., Hermann D., Rupp T. Meta analysis of empirical studies on deterrence // Punitivity-International Developments. 2011. Vol. 3. Pp. 315–378.
3. Hassemer W. Warum Strafe sein muss: ein Plädoyer. Berlin: Ullstein, 2009. 285f c.
4. Sherman L.W. Reason for emotion: Reinventing justice with theories, innovations, and research-the American Society of Criminology 2002 presidential address // Criminology. 2003. Vol. 41. Pp. 1.
5. Karstedt S. Handle with care: Emotions, crime and justice // Emotions, crime and justice [Onati International Series in Law and Society, No. 1]. 2011. Pp. 1–19.
6. Laster K., O'malley P. Sensitive new-age laws: The reassertion of emotionality in law // International Journal of the Sociology of Law. 1996. Vol. 24. No. 1. Pp. 21–40.
7. Braithwaite J. Crime, shame and reintegration. New-York: Cambridge University Press, 1989. 226 p.
8. Pratt J. Beyond evangelical criminology: the meaning and significance of restorative justice // Institutionalizing restorative justice. 2006. Pp. 44–67.
9. The new punitiveness. Trends, theories, perspectives / ed. by J. Pratt, D. Brown, M. Brown, S. Hallsworth, W. Morisson. Cullompton: Willan Publishing, 2005, 336 p.
10. Burkitt I. Powerful Emotions Power, Government and Opposition in the "War on Terror" // Sociology. 2005. Vol. 39. No. 4. Pp. 679–695.
11. Karstedt S. Emotions, crime and justice: exploring durkheimian // Sociological theory and criminological research: Views from Europe and the United States. 2006. Vol. 7. Pp. 223–248.
12. Karstedt S. Emotions and criminal justice // Theoretical Criminology. 2002. Vol. 6. No. 3. Pp. 299–317.
13. Why tough tactics fail and rapport gets results: Observing Rapport-Based Interpersonal Techniques (ORBIT) to generate useful information from terrorists / L.J. Alison, E. Alison, G. Noone, S. Elntib, P. Christiansen // Psychology, Public Policy, and Law. 2013. Vol. 19. No. 4. Pp. 411.
14. Psychotherapie im Wandel: von der Konfession zur Profession / K. Grawe, R. Donati, F. Bernauer, R. Donati // Hogrefe, Verlag für Psychologie Göttingen, 1994. Pp. 130-145.
15. Kiesler C.A. Mental hospitals and alternative care: Noninstitutionalization as potential public policy for mental patients // American Psychologist. 1982. Vol. 37. No. 4. Pp. 349.
16. Orlinsky D.E., Howard K.I. The psychological interior of psychotherapy: Explorations with the Therapy Session Reports // The psychotherapeutic process: A research handbook. 1986. Pp. 477–501.
17. Hopt K.J., Steffek F. Mediation. Rechtstatsachen, Rechtsvergleich, Regelungen. Tübingen: Mohr Siebeck, 2008. Pp. 483–566.
18. Johnstone G., Van Ness D.W. Handbook of restorative justice. Willan, 2007. 650 p.
19. London R. Crime, punishment, and restorative justice: from the margins to the mainstream. London: First Forum Press, 2011. 376 p.
20. Sessar K. Wiedergutmachen oder strafen. Pfaffenweiler: Centaurus. 1992. 730 p.
21. Sessar K. Restitution or Punishment: An Empirical Study on Attitudes of the Public and the Justice System in Hamburg // EuroCriminology. 1995. Vol. 8. Pp. 199–214.
22. Gromet D.M. Psychological perspectives on the place of restorative justice in criminal justice systems // Social psychology of punishment of crime. 2009. Pp. 39–54.
23. Lummer R. Restorative Justice EU-Projekt Konferenz an der Fachhochschule Kiel Arbeitsgruppen Ergebnisse // Soziale strafrechtspflege band. 2011. Pp. 235.
24. Kury H. More Severe Punishment – or more Alternatives? Mediation in Western Countries // Kriminologijos Studijos. 2015.
25. Frühauf L. Wiedergutmachung zwischen Täter und Opfer. Eine neue Alternative in der strafrechtlichen Sanktionspraxis // Book Wiedergutmachung zwischen Täter und Opfer. Eine neue Alternative in der strafrechtlichen Sanktionspraxis / ed. by Gelsenkirchen Verlag Dr. Mannhold, 1988.
26. Hagemann O. Restorative Justice: Konzept, Ideen und Hindernisse // Soziale strafrechtspflege band. 2011. Pp. 151.
27. Burnside J. Retribution and restoration in biblical texts // Handbook of restorative justice. 2007. Pp. 132–148.
28. Sharpe S. The idea of reparation // Handbook of restorative justice. 2007. Pp. 24–30.

29. Rössner D. Die Universalität des Wiedergutmachungsgedankens im Strafrecht // Festschrift für Hans Joachim Schneider zum 70. Geburtstag am 14. November 1998 / Essay in Honor of Hans Joachim Schneider: Kriminologie an der Schwelle zum 21. Jahrhundert/Criminology on the Threshold of the 21st Century / Schwind H.-D. и др. Walter de Gruyter, 1998. Pp. 877–896.
30. Christie N. Conflicts as property // British journal of Criminology. 1977. Vol. 17. No. 1. Pp. 1–15.
31. Schwind H.-D. Kriminologie: eine praxisorientierte Einführung mit Beispielen. Auflage, München: Beck, 2010.
32. Villmow B. Staatliche Opferentschädigung // Kriminologische Forschung in den 80er Jahren / Kaiser G., Kury, H., Albrecht, H.-J. (Hrsg.). 1988. Pp. 1013–1041.
33. Villmow B., Plemper, B. Praxis der Opferentschädigung. Pfaffenweiler: Centaurus, 1988.
34. Villmow B., Savinsky A.L. Staatliche Opferentschädigung nach der Jahrtausendwende – statistische Daten, methodische Probleme und einige Anmerkungen zur gegenwärtigen Praxis des OEG // Festschrift für Jürgen Wolter. Berlin: Duncker, Humblot. 2013. Pp. 1243–1270.
35. Schmidt A. Strafe und Versöhnung. Eine moral- und rechtsphilosophische Analyse von Strafe und Täter-Opfer-Ausgleich als Formen unserer Praxis. Berlin: Duncker & Humblot, 2012.
36. Braithwaite J. Restorativ Justice // Internationales Handbuch der Kriminologie. Band 2: Besondere Probleme der Kriminologie. 2009. Pp. 53–98.
37. Braithwaite J., Pettit P. Not just deserts: A republican theory of criminal justice. Oxford: Clarendon Press, 1990. 229 p.
38. Braithwaite J. Restorative Justice and Responsive Regulation. New-York: Oxford University Press, 2002.
39. Walgrave L. Integrating criminal justice and restorative justice // Handbook of Restorative Justice / G. Johnstone, D.W. Van Ness (Eds.). Cullompton: Willan Publishing, 2007. Pp. 559–557.
40. Zernova M., Wright M. Alternative visions of restorative justice // Handbook of restorative justice. 2007. Pp. 91–108.
41. Hopt K. J., Steffek, F. . Mediation – Rechtsvergleich, Regelungsmodelle, Grundsatzprobleme // Mediation. Rechtstatsachen, Rechtsvergleich, Regelungen / K.J. Hopt, F. Steffek (Hrsg.). Tübingen: Mohr Siebeck, 2008. Pp. 3–102.
42. Heinz W. Opfer und Strafverfahren. // Kleines Kriminologisches Wörterbuch / G. Kaiser, H.-J. Kerner, F. Sack, H. Schellhoss (Hrsg.). Heidelberg: C.F. Müller, 1993. Pp. 372–377.
43. Strang H., Braithwaite J. Restorative justice and civil society. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
44. McCold P. Toward a holistic vision of restorative juvenile justice: A reply to the maximalist model // Contemporary Justice Review. 2000. Vol. 3. Pp. 357–414.
45. Barton C.K. Getting even: Revenge as a form of justice. Chicago: Open Court Publishing, 1999. 226 p.
46. Daly K. Restorative justice The real story // Punishment & Society. 2002. Vol. 4. No. 1. Pp. 55–79.
47. Duff R., Walgrave L. Restorative punishment and punitive restoration. Cullompton, Devon: Willan Publishing, 2002.
48. Robinson P.H. The virtues of restorative processes, the vices of restorative justice // Utah Law Review. 2003. Pp. 375–388.
49. Dignan J. Restorative justice and the law: the case for an integrated, systemic approach // Restorative justice and the law. 2002. Pp. 168–190.
50. Zehr H. Changing Lenses: A New Focus for Crime and Justice. Scottsdale, PA: Good Books, 1990.
51. Kaiser G. Kriminologie: ein Lehrbuch. Hüthig Jehle Rehm, 1996.
52. Bussmann K.-D. Das Konzept “Versöhnung statt Strafe”. Konzept und Praxis von Mediationsprogrammen in Kanada und USA – Bericht einer Studienreise // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 1986. Vol. 69. Pp. 152–163.
53. Hentig H.V. The criminal & his victim; studies in the sociobiology of crime. New-York, 1948. 461 p.
54. Schneider H.J. Viktimologie – Wissenschaft vom Verbrechensopfer. Tübingen, 1975.
55. Rössner D., Wulf R. Opferbezogene Strafrechtspflege. Bonn, 1984.
56. Frehsee D. Schadenswiedergutmachung als Instrument strafrechtlicher Sozialkontrolle. Berlin, 1987.
57. Abel R. The Politics of Informal Justice. New York, 1982.
58. Matthews R. Informal Justice. Theory and Practice. Beverly Hills et al, 1988.
59. Harrington C.B. Shadow justice: The ideology and institutionalization of alternatives to court. Greenwood Press Westport, CT, 1985.
60. Abel R.L. The Politics of Informal Justice: Volume 2: Comparative Studies. New York: Academic Press, Elsevier, 1982.
61. Doob A.N., Roberts J. Sentencing: An analysis of the public’s view of sentencing. Ottawa: Department of Justice, 1983.
62. Roberts J.V. Changing attitudes to punishment: Public opinion, crime and justice. Routledge, 2002.
63. Sato M. Public opinion and the death penalty in Japan: measuring tolerance for abolition. Berlin: Springer, 2013.
64. Bush R.A.B., Folger J.P. The promise of mediation: The transformative approach to conflict. John Wiley & Sons, 2004. 304 p.
65. Hopt K.J., Steffek F. Vorwort // Mediation. Rechtstatsachen, Rechtsvergleich, Regelungen / K.J. Hopt, Steffek F. (Hrsg.). Tübingen: Mohr Siebeck, 2008.
66. Goodey J. Victims and victimology: Research, policy and practice.: Pearson Education, 2005. 304 p.
67. Martinson R. What Works? – Questions and Answers about Prison Reform // The Public Interest. 1974. Pp. 22–52.
68. Lipton D., Martinson R., Wilks J. The effectiveness of correctional treatment: A survey of treatment evaluation studies. New-York: Praeger, 1975.
69. Die Behandlung Straffälliger. Teilband I: Inhaltliche und methodische Probleme der Behandlungsforschung. // Kury H. Berlin: Duncker & Humblot, 1986.

70. Schwind H.-D. Kriminologie. Eine praxisorientierte Einführung mit Beispielen. Heidelberg: Kriminalistik Verlag, 2011.
71. Diversion. Alternativen zu klassischen Sanktionsformen. 2 Bde. / Kury H., Lerchenmüller H. (Hrsg.). Bochum: Studienverlag Dr. N. Brockmeyer, 1981.
72. Delattre G. Der Täter-Opfer-Ausgleich – die Praxis eines anderen Umgangs mit Straftaten // *Mediation und Polizei* / P.H. Senghaus. Rothenburg/Oberlausitz: Sächsische Polizei, 2010. Pp. 81–102.
73. Verhandlungen des 67. Deutschen Juristentages Erfurt 2008. Band I: Gutachten, Teil F: Mediation und weitere Verfahren konsensualer Streitbeilegung. // Heß H., 2008.
74. URL: http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/Veroeffentlichungen/2_periodischer_sicherheitsbericht_langfassung_de.pdf?__blob=publicationFile (accessed: 15.08.2015).
75. Johnstone G. Critical perspectives on restorative justice // *Handbook of Restorative Justice* / Johnstone G., Van Ness, D.W. (Eds.). Cullompton: Willan Publishing, 2007.
76. Kerner H.-J., Hartmann A. Täter-Opfer-Ausgleich in der Entwicklung. Frankfurt a. M., 2005.
77. Trenczek T. Mediation im Strafrecht // *Zeitschrift für Konfliktmanagement* 2003. Vol. 3. Pp. 105-109.
78. Jehle J.-M. Strafrechtspflege in Deutschland. Berlin, 2005.
79. Seijas F.V.-P. Vorgehensweisen und Vermittlungsstandards zur Bearbeitung von TOA-Fällen bei häuslicher Gewalt in Deutschland und Österreich: Ein Modell für Europa? // *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrecht*. 2012. Vol. 95. No. 6. Pp. 413–440.
80. Mediation und Täter-Opfer-Ausgleich bei Gewaltstraftaten in Paarbeziehungen / D. Rössner, B. Bannenberg, H.-J. Kerner, E. Weitekamp. Baden-Baden, 1999.
81. Walter M. Mediation im strafrechtlichen Bereich: der Täter-Opfer-Ausgleich // *Mediation in der Anwaltspraxis* / M. Henssler, L. Koch (Hrsg.). Bonn, 2004.
82. Miers D. The international development of restorative justice / *Handbook of Restorative Justice*. Cullompton: Willan Publishing, 2007. Pp. 447–467.
83. Umbreit M., Greenwood J. National Survey of Victim Offender Mediation Programs in the United States. Minneapolis, MN: University of Minnesota Center for Restorative Justice and Peacemaking, 1998.
84. Schiff M., Bazemore G. Restorative conferencing for juveniles in the United States: Prevalence, process and practice // *Restorative justice: Theoretical foundations*. 2002. Pp. 177–203.
85. Griffiths C.T. The victims of crime and restorative justice: The Canadian experience // *International Review of Victimology*. 1999. Vol. 6. No. 4. Pp. 279–294.
86. Umbreit M.S., Coates R.B., Vos B. Victim impact of meeting with young offenders: Two decades of victim offender mediation practice and research // *Restorative justice for juveniles: Conferencing, mediation and circles*. 2001. Pp. 121–143.
87. Mestitz A. A comparative perspective on victim-offender mediation with youth offenders throughout Europe // *Victim-Offender Mediation with Youth Offenders in Europe* Springer, 2005. Pp. 3–20.
88. Daly K. Mind the gap: Restorative justice in theory and practice // *Restorative justice and criminal justice: Competing or reconcilable paradigms*. 2003. Pp. 219–236.
89. Weitekamp E. Restorative justice: Present prospects and future directions // *Restorative Justice: Theoretical Foundations* / E. Weitekamp, H.-J. Kerner (Eds.). Cullompton: Willan Publishing, 2002.
90. Montada L. Nachhaltige Beilegung von Familienkonflikten durch Mediation // *Familie, Partnerschaft und Recht*. 2004. Pp. 182–187.
91. Lippelt I. Innenansichten und Wirkungsforschung zum Täter-Opfer-Ausgleich im Jugendstrafrecht: die Zufriedenheit von Opfern und Tätern mit "ihrer" Mediation der Jugend- und Konflikthilfe der Landeshauptstadt Hannover. Verlag für Polizeiwissenschaft, 2010.
92. Tränkle S. Im Schatten des Strafrechts: eine Untersuchung der Mediation in Strafsachen am Beispiel des deutschen Täter-Opfer-Ausgleichs und der französischen médiation pénale auf der Grundlage von Interaktions- und Kontextanalysen. Duncker & Humblot, 2007.
93. Hammacher P. Rechtsanwälte: Widerstand gegen Mediation abbauen // *Zeitschrift für Schiedsverfahren, SchiedsVZ*. 2008. Vol. 30.
94. Opfererfahrungen und Meinungen zur Inneren Sicherheit in Deutschland / H. Kury, U. Dörmann, H. Richter, M. Würger. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 1896. (2nd Edition)
95. Ludwig H., Kräupl G. Viktimisierung, Sanktionen und Strafverfolgung: Jenaer Kriminalitätsbefragung über ein Jahrzehnt gesellschaftlicher Transformation Forum-Verlag Godesberg, 2005.
96. Willemsens J., Walgrave, L. Europe // *Handbook of Restorative Justice* / G. Johnstone, D.W. Van Ness (Eds.). Cullompton: Willan Publishing, 2007. Pp. 488–499.
97. Chankova D., Van Ness, D.W. Themes // *Willan Publishing Handbook of Restorative Justice* / G. Johnstone, D.W. Van Ness (Eds.). Cullompton, 2007. Pp. 529–533.
98. Kurzynsky-Singer E. Mediation in Russland // *Mediation. Rechtstatsachen, Rechtsvergleich, Regelungen* Mohr Siebeck. 2008. Pp. 837–852.
99. Jessel-Holst C. Mediation in Ungarn // *Mediation. Rechtstatsachen, Rechtsvergleich, Regelungen* Mohr Siebeck. 2008. Pp. 905–922.
100. Bannenberg B. Mediation bei Gewaltstraftaten in Paarbeziehungen: [eine Gemeinschaftsarbeit der Universitäten Marburg und Tübingen]. Nomos-Verlag-Ges., 1999.
101. Morrison B. Schools and restorative justice // *Handbook of restorative justice*. 2007. Pp. 325–350.

102. McEvoy K., Mika H. Restorative justice and the critique of informalism in Northern Ireland // *British Journal of Criminology*. 2002. Vol. 42. No. 3. Pp. 534–562.
103. Young R. Testing the limits of restorative justice: the case of corporate victims // *New Visions of Crime Victims*. Oxford, Hart, 2002.
104. Röchling A. Mediation in der Polizei in Baden-Württemberg // *Mediation und Polizei Rothenburg/Oberlausitz: Sächsische Polizei*, 2010. Pp. 149–170.
105. Green S. The victim's movement and restorative justice // *Handbook of restorative justice*. 2007. Pp. 171–191.
106. Ministry of Justice U. Moving Family mediation forward. Pressemitteilung des englischen Justizministeriums vom 14. 3. 2013 // *Book Moving Family mediation forward*. Pressemitteilung des englischen Justizministeriums vom 14. 3. 2013 / Editor. London: Ministry of Justice 2013.
107. Ministry of Justice U. More mediation encouraged as divorce hotspots are revealed. Pressemitteilung des englischen Justizministeriums vom 20. 2. 2013 // *Book More mediation encouraged as divorce hotspots are revealed*. Pressemitteilung des englischen Justizministeriums vom 20. 2. 2013 / Editor. London: Ministry of Justice, 2013.
108. Hopkins B. Just schools: A whole school approach to restorative justice. Jessica Kingsley Publishers, 2003.
109. Van Ness D.W. Prisons and restorative justice // *Handbook of restorative justice*. 2007. Pp. 312–324.
110. Hagemann O. Restorative justice in prison? // *Repositioning restorative justice*. 2003. Pp. 221–236.
111. Victim-offender mediation in homicide cases. Opportunities and risks. Tübingen, 2012.
112. Gelber C. Victimologische Ansätze im Strafvollzug // *Monatsschrift für Kriminologie und Strafvollzugsreform*. 2012. Vol. 95. Pp. 441–450.
113. Gelber C., Walter, M. Über Möglichkeiten einer opferbezogenen Vollzugsgestaltung // *Forum Strafvollzug*. 2012. Vol. 61. Pp. 171–172.
114. Krause M., Vogt, M. Gerichtliche Mediation in Strafvollzugssachen // *Betrifft Justiz*. 2012. Vol. 110. Pp. 297.
115. Bazemore G., Elis L. Evaluation of restorative justice // *Handbook of restorative justice*. 2007. Pp. 397–425.
116. Hayes H. Reoffending and restorative justice // *Handbook of restorative justice*. 2007. Pp. 426–444.
117. Bonta J., Wallace-Capretta S., Rooney J. A quasi-experimental evaluation of an intensive rehabilitation supervision program // *Criminal Justice and Behavior*. 2000. Vol. 27. No. 3. Pp. 312–329.
118. Nugent W.R., Williams M., Umbreit M.S. Participation in Victim-Offender Mediation and the prevalence and severity of subsequent delinquent behavior: A meta-analysis. 2003. Pp. 137.
119. Hoyle C., Young R. *New visions of crime victims*. Bloomsbury Publishing, 2002.
120. Menkel-Meadow C. Restorative justice: What is it and does it work? // *Georgetown Public Law Research Paper*. 2007. № 1005485.
121. Johnstone G. Critical perspectives on restorative justice // *Handbook of Restorative Justice*. 2007.
122. Wilson T. *Thinking about Crime*. New York, NY: Basic Books, 1983.
123. Braithwaite J. Restorative justice: Assessing optimistic and pessimistic accounts // *Crime and justice*. 1999. Pp. 1–127.
124. Olweus D. Bullying at school: basic facts and effects of a school based intervention program // *Journal of child psychology and psychiatry*. 1994. Vol. 35. No. 7. Pp. 1171–1190.
125. Tyler T. R., Sherman L., Strang H., Barnes G.C., Woods D. Reintegrative Shaming, Procedural Justice, and Recidivism: The Engagement of Offenders' Psychological Mechanisms in the Canberra RISE Drinking and Driving Experiment // *Law & Society Review*. 2007. Vol. 41. No. 3. Pp. 553–586.
126. Kury H., Shea E. Attitudes to Punishment – International results // *Liber amicorum prof. dr. mr. J.J.M. van Dijk / Groenhuijsen M., Letschert, R., Hazenbroek, S. (Eds.)*, KLM Van Dijk. Nijmegen: Wolf Legal Publishers, 2012. Pp. 247–258.
127. Green K. Digital Tweed / Commentary: ROI Is Dead! // *Campus Technology*. 2005. Pp. 1–2.
128. Crawford A., Newburn T. *Youth Offending and Restorative Justice: Implementing Reform in Youth Justice*. Cullompton: Willan Publishing, 2003.
129. Daly K. Conferencing in Australia and New Zealand: Variations, research findings and prospects / A.M. Morris, G. Maxwell (Eds.). *Restorative Justice for Juveniles: Conferencing, Mediation and Circles*. Oxford: Hart Publishing, 2001. Pp. 128–152.
130. Daly K. Restorative Justice: The real story / E. McLaughlin et al. (Eds.). *Restorative Justice. Critical Issues*. London: Sage, 2003. Pp. 73–91.
131. Busse J. Rückfalluntersuchung zum Täter-Opfer-Ausgleich // *Eine statistische Untersuchung im Amtsgerichtsbezirk Lüneburg*, jur. Diss. Marburg. 2001.
132. Dölling D., Hartmann A., Traulsen M. Legalbewährung nach TOA im Jugendstrafrecht // *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*. 2002. Vol. 85. Pp. 185–193.
133. Kumpmann S. Kosten und Kostenersparnis im Täter-Opfer-Ausgleich. Praxisheft Täter-Opfer-Ausgleich. 2007. No. Nr. 5. Servicebüro für Täter-Opfer-Ausgleich und Konfliktschlichtung.
134. Kunz F. Im Osten was Neues: Täter-Opfer-Ausgleich aus Sicht der Beteiligten. *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*. 2007. No. 90 (6) Pp. 466–483.
135. Sanders A. Victim participation in an exclusionary criminal justice system // *New Visions of Crime Victims*. 2002. Pp. 197–222.
136. Ittner H. Was ist eigentlich gerecht? // *Report Psychologie*. 2013. Vol. 3. Pp. 98–99.

В редакцию материал поступил 01.07.15

© Кури Х., 2015

Как цитировать статью: Кури Х. Медиация, восстановительное правосудие и социальная реинтеграция правонарушителей: последствия мер, альтернативных уголовному наказанию // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 172–194.

Информация об авторах

Кури Хельмут, доктор психологических наук, профессор, Фрайбургский университет
Адрес: Friedrichstr. 39, 79098, Freiburg, Germany
E-mail: helmut.kury@web.de

HELMUT KURY,

Doctor of Psychology, Professor

Freiburg University, Freiburg, Germany

MEDIATION, RESTORATIVE JUSTICE AND SOCIAL REINTEGRATION OF OFFENDERS: THE EFFECT OF ALTERNATIVE SANCTIONS TO PENAL PUNISHMENT

Objective: to determine the place and importance of mediation in the system of measures for combating crime in modern Germany.

Research methods: dialectical method of cognition, comparative-legal, legal-historical methods.

Results: basing on the analysis of the legislation of Germany and other states, regulating the issues of restorative justice, and of literary sources, the author discloses the content of mediation and its place in restorative justice in Germany, as well as the prospect of using this tool for combating crime.

Scientific novelty: for the first time in the Russian scientific literature, the analysis of mediation and its practical application in Germany is presented.

Practical significance: the key issues and conclusions of the article can be used in scientific and educational activities in the implementation of comparative legal studies of the mediation institution.

Key words: mediation; restorative justice; social rehabilitation; social reintegration.

Information about the author

Kury Helmut, Doctor of Psychology, Professor, Freiburg University
Address: Friedrich str. 39, 79098, Freiburg, Germany
E-mail: helmut.kury@web.de

For citation: Kury H. Mediation, Restorative Justice and Social Reintegration of Offenders: the Effect of Alternative Sanctions to Penal Punishment. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2015, no. 3, pp. 172–194.

© Kury H., 2015. Originally published in Actual problems of economics and law (<http://apel.ieml.ru>), 15.09.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/>), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual problems of economics and law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.